
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00313056 4

UNIVERSITY OF TORONTO
VELUT ARBOR ÆVO

И. С. Тургеневъ.

Стихотворенія въ прозѣ.

Нью Іоркъ
1919

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что́ совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Іюнь 1882.

ПРИРОДА.

Мнѣ снилось, что я вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный, ровный свѣтъ.

По самой срединѣ храмины сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу.

Я тотчасъ понялъ, что эта женщина — сама Природа, — и мгновеннымъ холодомъ внѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ.

Я приблизился къ сидящей женщинѣ — и отдавъ почтительный поклонъ: „О, наша общая мать!“ — воскликнулъ я. — „О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья?“

Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись — и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза.

— Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спасаться отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено... Надо его возстановить.

— Какъ? — пролепеталъ я въ отвѣтъ. — Ты вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?

Женщина чуть-чуть наморщила брови: — Всѣ твари мои дѣти, — промолвила она — и я одинаково о нихъ забочусь — и одинаково ихъ истребляю.

— Но добро... разумъ... справедливость... — пролепеталъ я снова.

— Это человѣческія слова, — раздался желѣзный голосъ — я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ — и что́ такое справедливость? — Я тебѣ дала жизнь — я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты, пока, защищайся — и не мѣшай мнѣ!

Я хотѣлъ было возражать... но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула — и я проснулся.

МОЛИТВА.

О чемъ бы ни молился человѣкъ — онъ молится о чудѣ. — Всякая молитва сводится на слѣдующее: „Великій Боже, сдѣлай, чтобы дважды два — не было четыре“.

Только такая молитва и есть настоящая молитва отъ лица къ лицу. Молиться Всемірному Духу, Высшему Существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безо́бразному Богу — невозможно и немыслимо.

Но можетъ ли даже личный, живой, о́бразный Богъ сдѣлать, чтобы дважды два—не было четыре?

Всякій вѣрующій обязанъ отвѣтить: **можетъ** — и обязанъ убѣдить самого себя въ этомъ.

Но если разумъ его возстанетъ противъ такой безсмыслицы?

Тутъ Шекспиръ придетъ ему на помощь: „Есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо...“ и т. д.

А если ему станутъ возражать во имя истины, — ему стоитъ повторить знаменитый вопросъ: „Что́ есть истина?“

И потому: станемъ пить и веселиться — и молиться.

Іюль 1881.

ГОЛУБИ.

Я стоялъ на вершинѣ пологаго холма; передо мною— то золотомъ, то посеребреннымъ моремъ раскинулась и пестрѣла спѣлая рожь.

Но не бѣгало зыби по этому морю; не струился душный воздухъ: назрѣвала гроза великая.

Около меня солнце еще свѣтило горячо и тускло; но тамъ, за рожью, не слишкомъ далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на цѣлой половинѣ небосклона.

Все притаилось... все изнывало подъ зловѣщимъ блескомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей. Не слыхать,

не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только гдѣ-то вблизи упорно шепталъ и хлопалъ одинокій, крупный листъ лопуха.

Какъ сильно пахнетъ полынь на межахъ! Я глядѣлъ на синюю громаду... и смутно было на душѣ. Ну, скорѣй же, скорѣй! думалось мнѣ, сверкни, золотая змѣйка, дрогни, громъ! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она попрежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла, да темнѣла.

И вотъ, по одноцвѣтной ея синевѣ замелькало что-то ровно и плавно; ни дать, ни взять бѣлый платочекъ или снѣжный комокъ . То летѣлъ со стороны деревни бѣлый голубь.

Летѣлъ, летѣлъ все прямо, прямо... и потонулъ за лѣсомъ.

Прошло нѣсколько мгновеній — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Ужъ два платка мелькаютъ, два комочка несутся назадъ: то летятъ домой ровнымъ полетомъ два бѣлыхъ голубя.

И вотъ, наконецъ, сорвалась буря и пошла потѣха!

Я едва домой добрался. — Визжитъ вѣтеръ, мечется какъ бѣшенный, мчатся рыжія, низкія, словно въ клочья разорванныя облака, все закрутилось, смѣшалось, захлесталъ, закачался отвѣсными столбами рьяный ливень, молніи слѣпятъ огнистой зеленью, стрѣляетъ какъ изъ пушки отрывистый громъ, запахло сѣрой...

Но подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краюшкѣ слухового окна, рядышкомъ сидятъ два бѣлыхъ голубя — и тотъ, кто слеталъ за товарищемъ — и тотъ, кого онъ привелъ и можетъ быть, спасъ.

Нахохлились оба —и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда...

Хорошо имъ! И мнѣ хорошо, глядя на нихъ... Хоть я и одинъ... одинъ, какъ всегда.

Май 1879.

ВРАГЪ и ДРУГЪ.

Осужденный на вѣчное заточеніе узникъ вырвался изъ тюрьмы и стремглавъ пустился бѣжать... За нимъ по пятамъ мчалась погоня.

Онъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ... Преслѣдователи начинали отставать.

о вотъ, передъ нимъ рѣка съ крутыми берегами, узкая — но глубокая рѣка... А онъ не умѣетъ плавать!

Съ одного берега на другой перекинута тонкая, гнилая доска. Бѣглецъ уже занесъ на нее ногу... Но случилось такъ, что тутъ же, возлѣ рѣки, стояли: лучшій его другъ и самый жестокій его врагъ.

Врагъ ничего не сказалъ и только скрестилъ руки; за то другъ закричалъ во все горло:—„Помилуй! Что ты дѣлаешь! Опомнись, безумецъ! Развѣ ты не видишь, что доска совсѣмъ сгнила? — Она сломится подъ твоею тяжестью — и ты неизбѣжно погибнешь!“

„Но вѣдь другой переправы нѣтъ... а погоню слышишь?“ — отчаянно простоналъ несчастный и ступилъ на доску.

„Не допущу!.. Нѣтъ, не допущу, чтобы ты погибнулъ!“ — возопилъ ревностный другъ и выхватилъ изъ подъ ногъ бѣглеца доску. — Тотъ мгновенно бухнулъ въ бурныя волны — и утонулъ.

Врагъ засмѣялся самодовольно — и пошелъ прочь; а другъ присѣлъ на бережку — и началъ горько плакать о своемъ бѣдномъ... бѣдномъ другѣ!

Обвинять самого себя въ его гибели онъ, однако, не подумалъ... ни на мигъ.

„Не послушался меня! Не послушался!“ — шепталъ онъ уныло.

„А впрочемъ! — промолвилъ онъ, наконецъ — Вѣдь онъ всю жизнь свою долженъ былъ томиться въ ужасной тюрьмѣ! По крайней мѣрѣ, онъ теперь не страдаетъ! Теперь ему легче! Знать, ужъ ему выпала доля!“

„А все-таки жалко, по человѣчеству!“

И, добрая душа продолжала неутѣшно рыдать о своемъ злополучномъ другѣ.

Декабрь 1878.

СФИНКСЪ.

Изжелта сѣрый, сверху рыхлый, изпо́днизу твердый, скрипучій песокъ... песокъ безъ конца, куда ни заглянешь!

И надъ этой песчаной пустыней, надъ этимъ моремъ мертваго праха, высится громадная голова египетскаго сфинкса.

Что хотятъ сказать эти крупныя, выпяченныя губы, эти неподвижно-расширенныя, вздернутыя ноздри — и эти глаза, эти длинные, полу-сонные, полу-внимательные глаза подъ двойной дугой высокихъ бровей?

А что-то хотятъ сказать они! Они даже говорятъ — но одинъ лишь Эдипъ умѣетъ разрѣшить загадку и понять ихъ безмолвную рѣчь.

Ба! Да я узнаю эти черты... въ нихъ уже нѣтъ ничего египетскаго. Бѣлый, низкій лобъ, выдающіяся скулы, носъ короткій и прямой, красивый бѣлозубый ротъ, мягкій усъ и бородка курчавая — и эти широко разставленные небольшіе глаза... а на головѣ шапка волосъ, разсѣченная проборомъ... Да это ты, Карпъ, Сидоръ, Семенъ, ярославскій рязанскій мужичекъ, соотчичъ мой, русская косточка! Давно ли попалъ ты въ сфинксы?

Или ты тоже что-то хочешь сказать? Да; и ты тоже — сфинксъ.

И глаза твои—эти безцвѣтные, но глубокіе глаза—говорятъ тоже... И такъ же безмолвны и загадочны ихъ рѣчи.

Только гдѣ твой Эдипъ?

Увы! Не довольно надѣть мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о, всероссійскій сфинксъ!

Декабрь 1878.

КОНЕЦЪ СВѢТА.

(Сонъ).

Чудилось мнѣ, что я нахожусь гдѣ-то въ Россіи, въ глуши, въ простомъ деревенскомъ домѣ.

Комната большая, низкая, въ три окна; стѣны вымазаны бѣлой краской; мебели нѣтъ. Передъ домомъ голая равнина; постепенно понижаясь, уходитъ она въ даль; сѣрое, одноцвѣтное небо виситъ надъ нею, какъ пологъ.

Я не одинъ; человѣкъ десять со мною въ комнатѣ. Люди все простые, просто одѣтые; они ходятъ вдоль и поперекъ, молча, словно крадучись. Они избѣгаютъ

другъ друга — и, однако, безпрестанно мѣняются тревожными взорами.

Ни одинъ не знаетъ, зачѣмъ онъ попалъ въ этотъ домъ и что́ за люди съ нимъ? На всѣхъ лицахъ безпокойство и унылость... всѣ поочередно подходятъ къ окнамъ и внимательно оглядываются, какъ бы ожидая чего-то извнѣ.

Потомъ опять принимаются бродить вдоль и поперекъ. Между нами вертится небольшого росту мальчикъ; отъ времени до времени онъ пищитъ тонкимъ, однозвучнымъ голосомъ. Только я чувствую: идетъ и близится большая, большая бѣда.

А мальчикъ нѣтъ, нѣтъ — да запищитъ. Ахъ, какъ бы уйти отсюда! Какъ душно! Какъ томно! Какъ тяжело... Но уйти невозможно.

Это небо — точно саванъ. И вѣтра нѣтъ... Умеръ воздухъ, что́-ли?

Вдругъ мальчикъ подскочилъ къ окну и закричалъ тѣмъ же жалобнымъ голосомъ: „Гляньте! гляньте! земля провалилась!"

— „Какъ? провалилась?" — Точно: прежде передъ домомъ была равнина — а теперь онъ стоитъ на вершинѣ горы! — Небосклонъ упалъ, ушелъ внизъ, — а отъ самаго дома спускается почти отвѣсная, точно разрытая, черная кручь.

Мы всѣ столпились у окна... Ужасъ леденитъ наши сердца.

— „Вотъ оно... вотъ оно!" — шепчетъ мой сосѣдъ.

И вотъ, вдоль всей далекой земной грани зашевелилось что-то, стали подниматься и падать какіе-то небольшіе, кругловатые бугорки.

„Это — море!" подумалось всѣмъ намъ въ одно и

то же мгновеніе. — „Оно сейчасъ насъ всѣхъ затопитъ... Только какъ же оно можетъ рости и поднимнться вверхъ? На эту кручь?“

И однако, оно ростетъ, ростетъ громадно... Это уже не отдѣльные бугорки мечутся вдали... Одна сплошная, чудовищная волна обхватываетъ весь кругъ небосклона.

Она летитъ, летитъ на насъ! — Морознымъ вихремъ несется, крутится тьмой кромѣшной. Все задрожало вокругъ — а тамъ, въ этой налетающей громадѣ, — и трескъ, и громъ, и тысячегортанный, желѣзный лай...

Га! Какой ревъ и вой! Это земля завыла отъ страха...

Конецъ ей! Конецъ всему!

Мальчикъ пискнулъ еще разъ... Я хотѣлъ было ухватиться за товарищей — но мы уже всѣ раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, какъ чернила черной, льдистой, грохочущей волной!

Темнота... темнота вѣчная!

Едва переводя дыханіе, я проснулся.

Мартъ 1878.

ДВА БОГАЧА.

Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на леченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катьку, — говорила баба, — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ, — не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую, — отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Іюль, 1878.

СТОЙ!

Стой! Какою я теперь тебя вижу — останься навсегда такою въ моей памяти!

Съ губъ сорвался послѣдній вдохновенный звукъ — глаза не блестятъ и не сверкаютъ — они меркнутъ, отягощенные счастьемъ, блаженнымъ сознаніемъ той красоты, которую удалось тебѣ выразить, той красоты, во слѣдъ которой ты словно простираешь твои торжествующія, твои изнеможенныя руки!

Какой свѣтъ, тоньше и чище солнечнаго свѣта, разлился по всѣмъ твоимъ членамъ, по малѣйшимъ складкамъ твоей одежды?

Какой Богъ своимъ ласковымъ дуновеньемъ откинулъ назадъ твои разсыпанныя кудри?

Его лобзаніе горитъ на твоемъ, какъ мраморъ поблѣдневшемъ, челѣ!

Вотъ она — открытая тайна, тайна поэзіи, жизни, любви! Вотъ оно, вотъ оно, безсмертіе! Другого безсмертія нѣтъ — и не надо. — Въ это мгновеніе ты безсмертна.

Оно пройдетъ — и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя... Но что тебѣ за дѣло! — Въ это мгновенье —

ты стала выше, ты стала внѣ всего преходящаго, временнаго. — Это твое мгновеніе не кончится никогда.

Стой! И дай мнѣ быть участникомъ твоего безсмертія, урони въ душу мою отблескъ твоей вѣчности!

Ноябрь, 1879.

ЭГОИСТЪ.

Въ немъ было все нужное для того, чтобы сдѣлаться бичемъ своей семьи.

Онъ родился здоровымъ, родился богатымъ — и въ теченіе всей своей долгой жизни, оставаясь богатымъ и здоровымъ, не совершилъ ни одного проступка, не впалъ ни въ одну ошибку, не обмолвился и не промахнулся ни разу.

Онъ былъ безукоризненно честенъ!.. И гордый сознаніемъ своей честности, давилъ ею всѣхъ: родныхъ, друзей, знакомыхъ.

Честность была его капиталомъ... и онъ бралъ съ него ростовщичьи проценты.

Честность давала ему право быть безжалостнымъ и не дѣлать неуказаннаго добра; — и онъ былъ безжалостнымъ — и не дѣлалъ добра... потому что добро по указу — не добро.

Онъ никогда не заботился ни о комъ, кромѣ собственой — столь примѣрной особы, и искренно возмущался, если и другіе такъ же старательно не заботились о ней!

И въ то же время онъ не считалъ себя эгоистомъ — и пуще всего порицалъ и преслѣдовалъ эгоистовъ и

эгоизмъ! — Еще бы! Чужой эгоизмъ мѣшалъ его собственному.

Не вѣдая за собой ни малѣйшей слабости, онъ не понималъ, не допускалъ ничьей слабости. Онъ вообще никого и ничего не понималъ, ибо былъ весь, со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху, сзади и спереди, окруженъ самимъ собою.

Онъ даже не понималъ: что́ значитъ прощать? Самому себѣ прощать ему не приходилось... Съ какой стати сталъ бы онъ прощать другимъ?

Передъ судомъ собственной совѣсти, передъ лицомъ собственнаго Бога — онъ, это чудо, этотъ извергъ добродѣтели, возводилъ очи горѣ — и твердымъ и яснымъ голосомъ произносилъ: „Да; я достойный, я нравственный человѣкъ!“

Онъ повторитъ эти слова на смертномъ ложѣ — и ничего не дрогнетъ даже и тогда въ его каменномъ сердцѣ — въ этомъ сердцѣ безъ пятнышка и безъ трещины.

О, безобразіе самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродѣтели — ты едва ли не противнѣй откровеннаго безобразія порока.

Декабрь, 1878.

ДУРАКЪ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ дуракъ.

Долгое время онъ жилъ припѣваючи; по немногу стали доходить до него слухи, что онъ всюду слыветъ за безмозглаго пошлеца.

Смутился дуракъ и началъ печалиться о томъ, какъ бы прекратить тѣ непріятные слухи?

Внезапная мысль озарила, наконецъ, его темный умишко... И онъ, ни мало не медля, привелъ ее въ исполненіе.

Встрѣтился ему на улицѣ знакомый — и принялся хвалить извѣстнаго живописца...

— Помилуйте! — воскликнулъ дуракъ. — Живописецъ этотъ давно сданъ въ архивъ... Вы этого не знаете? — Я отъ васъ этого не ожидалъ... Вы — отсталый человѣкъ.

Знакомый испугался — и тотчасъ согласился съ дуракомъ.

— Какую прекрасную книгу я прочелъ сегодня! — говорилъ ему другой знакомый.

— Помилуйте! — воскликнулъ дуракъ. — Какъ вамъ не стыдно? Никуда эта книга не годится; всѣ на нее давно махнули рукою. — Вы этого не знаете? — Вы — отсталый человѣкъ.

И этотъ знакомый испугался — и согласился съ дуракомъ.

Что́ за чудесный человѣкъ мой другъ N. N.! — говорилъ дураку третій знакомый. — Вотъ истинно благородное существо!

— Помилуйте! — воскликнулъ дуракъ. — N. N. завѣдомый подлецъ! Родню всю ограбилъ. Кто-жъ этого не знаетъ? Вы — отсталый человѣкъ!

Третій знакомый тоже испугался и согласился съ дуракомъ, отступился отъ друга. И кого бы, что́ бы ни хвалили при дуракѣ—у него на все была одна отповѣдь.

Развѣ иногда прибавитъ съ укоризной: — А вы все еще вѣрите въ авторитеты?

„Злюкъ! Желчевикъ!“ начинали толковать о дуракѣ его знакомые. — „Но какая голова!“

„И какой языкъ!“ — прибавляли другіе. — „О, да онъ талантъ!“

Кончилось тѣмъ, что издатель одной газеты предложилъ дураку завѣдывать у него критическимъ отдѣломъ.

И дуракъ сталъ критиковать все и всѣхъ, нисколько не мѣняя манеры своей, ни своихъ восклицаній.

Теперь онъ, кричавшій нѣкогда противъ авторитетовъ — самъ авторитетъ, — а юноши предъ нимъ благовѣютъ — и боятся его.

Да и какъ имъ быть, бѣднымъ юношамъ? — Хоть и не слѣдуетъ — вообще говоря — благоговѣть... но тутъ, поди, не возблагоговѣй — въ отсталые люди попадешь!

Житье дуракамъ между трусами.

Апрѣль, 1878.

„ПОВѢСИТЬ ЕГО!“

Это случилось въ 1803 году, — началъ мой старый знакомый, — незадолго до Аустерлица. Полкъ, въ которомъ я служилъ офицеромъ, стоялъ на квартирахъ въ Моравіи.

Намъ было строго запрещено безпокоить и притѣснять жителей; они и такъ смотрѣли на насъ косо, хоть мы и считались союзниками.

У меня былъ деньщикъ, бывшій крѣпостной моей матери, Егоръ по имени. Человѣкъ онъ былъ честный и смирный; я зналъ его съ дѣтства и обращался съ нимъ какъ съ другомъ.

Вотъ однажды, въ домѣ, гдѣ я жилъ, поднялись бранчивые крики, вопли: у хозяйки украли двухъ куръ, и она въ этой кражѣ обвиняла моего деньщика. Онъ оправдывался, призывалъ меня въ свидѣтели... — „Станетъ онъ красть, онъ, Егоръ Автомановъ!" Я увѣрялъ хозяйку въ честности Егора, но она ничего слушать не хотѣла.

Вдругъ вдоль улицы раздался дружный конскій топотъ: то самъ главнокомандующій проѣзжалъ съ своимъ штабомъ. Онъ ѣхалъ шагомъ, толстый, обрюзглый, съ понурой головой и свислыми на грудь эполетами.

Хозяйка увидала его — и, бросившись на перерѣзъ его лошади, пала на колѣни — и вся растерзанная, простоволосая, начала громко жаловаться на моего деньщика, указывала на него рукою.

— „Господинъ генералъ!" — кричала она: — „ваше сіятельство! разсудите! помогите! спасите! Этотъ солдатъ меня ограбилъ!"

Егоръ стоялъ на порогѣ дома, вытянувшись въ струнку, съ шапкой въ рукѣ, даже грудь выставилъ и ноги сдвинулъ, какъ часовой, — и хоть бы слово! Смутилъ ли его весь этотъ остановившійся посреди улицы генералитетъ, окаменѣлъ ли онъ передъ налетающей бѣдою — только стоитъ мой Егоръ да мигаетъ глазами, а самъ бѣлъ какъ глина!

Главнокомандующій бросилъ на него разсѣянный и угрюмый взглядъ, промычалъ сердито: — Ну?.. — Стоитъ Егоръ, какъ истуканъ, и зубы оскалилъ! Со стороны посмотрѣть: словно смѣется человѣкъ.

Тогда главнокомандующій промолвилъ отрывисто: — Повѣсить его! — толкнулъ лошадь подъ бока и двинулся

дальше — сперва опять таки шагомъ — а потомъ шибкой рысью. Весь штабъ помчался вслѣдъ за нимъ; одинъ только адъютантъ, повернувшись въ сѣдлѣ, взглянулъ мелькомъ на Егора.

Ослушаться было невозможно... Егора тотчасъ схватили и повели на казнь.

Тутъ онъ совсѣмъ помертвѣлъ — и только раза два съ трудомъ воскликнулъ: „батюшки! батюшки!“ — а потомъ въ полголоса: „видитъ Богъ — не я!“

Горько, горько заплакалъ онъ, прощаясь со мною. Я былъ въ отчаяніи. — „Егоръ! Егоръ! — кричалъ я — какъ же ты это ничего не сказалъ генералу!“

— Видитъ Богъ, не я, — повторялъ, всхлипывая, бѣднякъ. — Сама хозяйка ужаснулась. Она никакъ не ожидала такого страшнаго рѣшенія, и въ свою очередь разревѣлась! Начала умолять всѣхъ и каждаго о пощадѣ, увѣряла, что куры ея отыскались, что она сама готова все объяснить...

Разумѣется, все это ни къ чему не послужило. Военные, сударь, порядки! Дисциплина! — Хозяйка рыдала все громче и громче.

Егоръ, котораго священникъ уже исповѣдалъ и причастилъ, обратился ко мнѣ:

— Скажите ей, ваше благородіе, чтобы она не убивалась... Вѣдь я ей простилъ.

Мой знакомый, повторивъ эти послѣднія слова своего слуги, прошепталъ: „Егорушка, голубчикъ, праведникъ!“ — слезы закапали по его старымъ щекамъ.

Августъ, 1879.

ПОЦѢЛУЙ.

Я шелъ въ лѣтній полдень по извилистой тропинкѣ въ лѣсу.

Лѣсъ былъ чистый и молодой, русскій лѣсъ со смѣшанными породами деревьевъ. Бѣлостволая раскидистая береза мѣшалась въ низкорослой, какъ шкурка змѣи, сѣрозеленой осиной. Кое-гдѣ на поляхъ и по опушкамъ росли молодые дубки; выдавались темными пятнами печальныя въ лѣтнюю пору, съ низкоопущенными вѣтвями ели.

День былъ ясный и жаркій; но сквозь густую чащу вѣтвей не видать было солнца, и только внизу, на пушистой травѣ, двигались, играли и переливались свѣтлые и темные кружки.

Я слѣдилъ за ихъ прихотливой игрой, какъ вдругъ сплошная человѣческая тѣнь подвинулась откуда-то, легла и заняла пространство передо мной.

Я вдругъ обернулся. Я былъ не одинъ въ лѣсу.

Въ двухъ шагахъ отъ меня, стройно и легко, не касаясь травы, двигалась женская фигура.

Я остановился. Женщина приблизилась и также встала передо мной. Однимъ быстрымъ взглядомъ я успѣлъ уловить черты божественнаго лица, очертанія дивнаго тѣла, сквозившаго въ легкихъ тканяхъ волнистой одежды. Она была прекрасна и молода; но я не зналъ, кто была она.

Вдругъ она сдѣлала движеніе и, слегка склоняясь надо мной, поцѣловала меня въ лобъ.

Я затрепеталъ. Неизъяснимое волненіе поднялось, прерывая дыханіе, потрясая меня разомъ всего. Я про-

тянулъ руки. Я желалъ продлить ощущеніе, блаженнымъ трепетомъ разлившимся во всемъ моемъ существѣ. Я поднялъ голову... Но никого не было подлѣ меня.

Она шла все также стройно и легко, попрежнему не касаясь земли. Сзади у нея почудились мнѣ два крыла — небольшія и прозрачныя. Это онп-то и помогали ей нестись такъ легко.

Я рванулся впередъ, вслѣдъ за ней, громкимъ голосомъ призывая ее. Я желалъ, чтобы она поцѣловала меня въ уста „поцѣлуемъ устъ своихъ"...

Но напрасно я звалъ п бѣжалъ вслѣдъ за ней. Она отдалялась все дальше и дальше.

И въ то время, какъ я тщетно преслѣдовалъ ее, я увидѣлъ въ лѣсу, въ недалекомъ разстояніи отъ себя, другого человѣка. То былъ юноша, почти отрокъ. Онъ шелъ беззаботной поступью, поднявъ слегка вверхъ кудрявую, красивую голову. Безпечно и весело смотрѣли передъ собою вдохновенные глаза, п улыбались румяныя, полныя, слегка опущенныя губы.

Я увидѣлъ, какъ женщина остановилась подлѣ него, какъ быстрымъ движеніемъ всколыхнулись и откинулись назадъ разсыпавшіяся его кудры, и она поцѣловала его прямо въ алыя, раскрывшіяся губы.

И я понялъ внезапно, кто была женщина. Я понялъ также и то, кто былъ отрокъ.

Да, это была она — муза, вдохновительница поэта. Ея поцѣлуй я чувствовалъ на своемъ челѣ, холодный и неполный поцѣлуй...

Такимъ поцѣлуемъ, неполнымъ даромъ вдохновенья, даритъ она насъ, поэтовъ-прозаиковъ, и бережетъ свои поцѣлуи и ласки ему, безпечному, вдохновенному пѣвцу-стихотворцу.

ЧЕРЕПЬЯ.

Роскошная, пышно-освѣщенная зала; множество кавалеровъ и дамъ.

Всѣ лица оживлены, рѣчи бойки... Идетъ трескучій разговоръ объ одной извѣстной пѣвицѣ. Ее величаютъ божественной, безсмертной... О, какъ хорошо пустила она вчера свою послѣднюю трель!

И вдругъ — словно по манію волшебнаго жезла — со всѣхъ головъ и со всѣхъ лицъ слетѣла тонкая шелуха кожи — и мгновенно выступила наружу мертвенная бѣлизна черéпьевъ, зарябили синеватымъ оловомъ обнаженныя десны и скулы.

Съ ужасомъ глядѣлъ я, какъ двигались и шевелились эти десны и скулы — какъ поворачивались, лоснясь при свѣтѣ лампъ и свѣчей, эти шишковатые, костяные шары — и какъ вертѣлись въ нихъ другіе, меньшіе шары — шары обезсмысленныхъ глазъ.

Я не смѣлъ прикоснуться къ собственному лицу, не смѣлъ взглянуть на себя въ зеркало.

А черéпья поворачивались по прежнему... И съ прежнимъ трескомъ, мелькая красными лоскуточками изъ-за оскаленныхъ зубовъ, проворные языки лепетали о томъ, какъ удивительно, какъ неподражаемо безсмертная... да, безсмертная пѣвица пустила свою послѣднюю трель!

Апрѣль, 1878.

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА.

Кто въ Багдадѣ не знаетъ великаго Джіаффара, солнца вселенной?

Однажды — много лѣтъ тому назадъ — онъ былъ еще юношей, — прогуливался Джіаффаръ въ окрестностяхъ Багдада.

Вдругъ до слуха его долетѣлъ хриплый крикъ: кто-то отчаянно взывалъ о помощи.

Джіаффаръ отличался между своими сверстниками благоразуміемъ и обдуманностью; но сердце у него было жалостливое — и онъ надѣялся на свою силу.

Онъ побѣжалъ на крикъ и увидѣлъ дряхлаго старика, притиснутаго къ городской стѣнѣ двумя работниками, которые его грабили.

Джіаффаръ выхватилъ свою саблю, напалъ на злодѣевъ: одного убилъ, другого прогналъ.

Освобожденный старецъ палъ къ ногамъ своего избавителя и, облобызавъ край его одежды, воскликнулъ: „Храбрый юноша, твое великодушіе не останется безъ награды. На видъ я — убогій нищій; но только на видъ. Я человѣкъ не простой. — Приходи завтра, раннимъ утромъ, на главный базаръ; я буду ждать тебя у фонтана — и ты убѣдишься въ справедливости моихъ словъ“.

Джіаффаръ подумалъ: „На видъ человѣкъ этотъ нищій, точно; однако — всяко бываетъ. Отчего не попытаться?“ — и отвѣчалъ: „хорошо, отецъ мой, приду“.

Старикъ взглянулъ ему въ лицо — и удалился.

На другое утро, чуть забрезжилъ свѣтъ, Джіаффаръ отправился на базаръ. Старикъ уже ожидалъ его, облокотясь на мраморную чашу фонтана.

Молча взялъ онъ Джіаффара за руку и привелъ его въ небольшой садъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокими стѣнами.

По самой серединѣ этого сада, на зеленой лужайкѣ, росло дерево необычайнаго вида.

Оно походило на кипарисъ; только листва на немъ была лазореваго цвѣта.

Три плода — три яблока — висѣло на тонкихъ, къ верху загнутыхъ вѣткахъ:—одно, средней величины, продолговатое, молочно-бѣлое; другое, большое, круглое, ярко-красное; третье, маленькое, сморщенное, желтоватое.

Все дерево слабо шумѣло, хоть и не было вѣтра. Оно звенѣло тонко и жалобно, словно стеклянное; казалось, оно чувствовало приближеніе Джіаффара.

„Юноша!“ — промолвилъ старецъ. — „Сорви любой изъ этихъ плодовъ и знай: сорвешь и съѣшь бѣлый— будешь умнѣе всѣхъ людей; сорвешь и съѣшь красный— будешь богатъ, какъ еврей Ротшильдъ; сорвешь и съѣшь желтый — будешь нравиться старымъ женщинамъ. Рѣшайся!.. и не мѣшкай. Черезъ часъ и плоды завянутъ, и само дерево уйдетъ въ нѣмую глубь земли!“

Джіаффаръ понурилъ голову — и задумался. — „Какъ тутъ поступить?“ — произнесъ онъ въ полголоса, какъ бы разсуждая самъ собою. — „Сдѣлаешься слишкомъ умнымъ — пожалуй, жить не захочется; сдѣлаешься богаче всѣхъ людей — будутъ всѣ тебѣ завидовать; лучше же я сорву и съѣмъ третье, сморщенное яблоко!“

Онъ такъ и поступилъ; а старецъ засмѣялся беззубымъ смѣхомъ и промолвилъ: „О, мудрѣйшій юноша! Ты избралъ благую часть! — На что тебѣ бѣлое яблоко?

Ты и такъ умнѣе Соломона. — Красное яблоко также тебѣ не нужно... И безъ него ты будешь богатъ. Только богатству твоему никто завидовать не станетъ".

— „Повѣдай мнѣ, старецъ", — промолвилъ, встрепенувшись, Джіаффаръ: „гдѣ живетъ почтенная мать нашего богоспасаемаго халифа?"

Старикъ поклонился до земли — и указалъ юношѣ дорогу.

Кто въ Багдадѣ не знаетъ солнца вселенной, великаго, знаменитаго Джіаффара?

Апрѣль, 1878.

НАСѢКОМОЕ.

Снилось мнѣ, что сидитъ насъ человѣкъ двадцать въ большой комнатѣ съ раскрытыми окнами.

Между нами женщины, дѣти, старики... Всѣ мы говоримъ о какомъ-то очень извѣстномъ предметѣ — говоримъ шумно и невнятно.

Вдругъ въ комнату съ сухимъ трескомъ влетѣло большое насѣкомое, вершка въ два длиною... влетѣло, покружилось и сѣло на стѣну.

Оно походило на муху или на осу. — Туловище грязно-бураго цвѣту; такого же цвѣту и плоскія, жёсткія крылья; растопыренныя мохнатыя лапки, да голова угловатая и крупная, какъ у коромысловъ; и голова эта, и лапки — ярко-красныя, точно кровавыя.

Странное это насѣкомое безпрестанно поворачивало голову внизъ, вверхъ, вправо, влѣво, передвигало лапки... потомъ вдругъ срывалось со стѣны, съ трескомъ летало по комнатѣ — и опять садилось, опять жутко и противно шевелились, не трогаясь съ мѣста.

Во всѣхъ насъ оно возбуждало отвращеніе, страхъ, даже ужасъ... Никто изъ насъ не видалъ ничего подобнаго, всѣ кричали: „гоните вонъ это чудовище!“, всѣ махали платками издали... ибо никто не рѣшался подойти... и когда насѣкомое взлетало — всѣ невольно сторонились.

Лишь одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, молодой еще, блѣднолицый человѣкъ, оглядывалъ насъ всѣхъ съ недоумѣніемъ. — Онъ пожималъ плечами, онъ улыбался, онъ рѣшительно не могъ понять, что съ нами сталось и изъ за чего мы такъ волнуемся. Самъ онъ не видѣлъ никакого насѣкомаго — не слышалъ зловѣщаго треска его крылъ.

Вдругъ насѣкомое словно уставилось на него, взвилось и, приникнувъ къ его головѣ, ужалило его въ лобъ, повыше глазъ... Молодой человѣкъ слабо ахнулъ — и упалъ мертвымъ.

Страшная муха тотчасъ улетѣла... Мы только тогда догадались, что это была за гостья.

Май, 1878.

КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

Двое друзей сидятъ за столомъ и пьютъ чай.

Внезапный шумъ поднялся на улицѣ. Слышны жалобные стоны, ярыя ругательства, взрывы злораднаго смѣха.

— Кого-то бьютъ, — замѣтилъ одинъ изъ друзей, выглянувъ изъ окна.

— Преступника? Убійцу? — спросилъ другой. — Слушай, кто бы онъ ни былъ, нельзя допустить безсудную расправу. Пойдемъ, заступимся за него.

— Да это бьютъ не убійцу.

— Не убійцу? Такъ вора? Все равно, пойдемъ, отнимемъ его у толпы.

— И не вора.

— Не вора? Такъ кассира, желѣзнодорожника, военнаго поставщика, россійскаго мецената, адвоката, благонамѣреннаго редактора, общественнаго жертвователя?.. Все таки пойдемъ, поможемъ ему!

— Нѣтъ... это бьютъ корреспондента.

— Корреспондента? — Ну, знаешь что: допьемъ сперва стаканъ чаю.

ДВА ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

Существовалъ нѣкогда народъ, жители котораго до того страстно любили поэзію, что если проходило нѣсколько недѣль и не появлялось новыхъ прекрасныхъ стиховъ — они считали такой поэтическій неурожай общественнымъ бѣдствіемъ.

Они надѣвали тогда свои худшія одежды, посыпали пепломъ головы — и, собираясь толпами на площадяхъ, проливали слезы, горько роптали на музу, покинувшую ихъ.

Въ одинъ подобный злополучный день молодой поэтъ Юній появился на площади, переполненной скорбѣвшимъ народомъ.

Проворными шагами взобрался онъ на особенно-устроенный амвонъ — и подалъ знакъ, что желаетъ произнести стихотвореаіе.

Ликторы тотчасъ замахали жезлами. „Молчаніе! вниманіе!“ зычно возопили они — и толпа затихла, выжидая.

„Друзья! Товарищи!“ — началъ Юній громкимъ, но не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

„Друзья! Товарищи! Любители стиховъ!
Поклонники всего, что стройно и красиво!
Да не смущаетъ васъ мгновенье грусти темной!
Придетъ желанный мигъ... и свѣтъ разсѣетъ [тьму“.

Юній умолкъ... а въ отвѣтъ ему, со всѣхъ концовъ площади, поднялся гамъ, свистъ, хохотъ.

Всѣ обращенныя къ нему лица пылали негодованіемъ, всѣ глаза сверкали злобой, всѣ руки поднимались, угрожали, сжимались въ кулаки.

„Чѣмъ вздумалъ удивить!“ — ревѣли сердитые голоса. „Долой съ амвона бездарнаго риѳмоплета! Вонъ дурака! Гнилыми яблоками, тухлыми яйцами шута гороховаго! Подайте камней! Камней сюда!“

Кубаремъ скатился съ амвона Юній... но онъ еще не успѣлъ прибѣжать къ себѣ домой, — какъ до слуха его долетѣли раскаты восторженныхъ рукоплесканій, хвалебныхъ возгласовъ и кликовъ.

Исполненный недоумѣнья, стараясь, однако, не быть замѣченнымъ (ибо опасно раздражать залютѣвшаго звѣря) — возвратился Юній на площадь.

И что же онъ увидѣлъ?

Высоко надъ толпою, надъ ея плечами, стоялъ на золотомъ плоскомъ щитѣ, облеченный пурпурной хламидой, съ лавровымъ вѣнкомъ на взвившихся кудряхъ, стоялъ его соперникъ, молодой поэтъ Юлій... А народъ вопилъ кругомъ: „Слава! Слава! Слава безсмертному

Юлію! Онъ утѣшилъ насъ въ нашей печали, въ нашемъ горѣ великомъ! Онъ подарилъ насъ стихами слаще меду, звучнѣе кимвала, душистѣе розы, чище небесной лазури! Несите его съ торжествомъ, обдавайте его вдохновенную голову мягкой волной ѳиміама, прохлаждайте его чело мѣрнымъ колебаніемъ пальмовыхъ вѣтвей, расторгайте у ногъ его всѣ благовонія аравійскихъ мирръ! Слава!"

Юній приблизился къ одному изъ славославящихъ. — Повѣдай мнѣ, о, мой согражданинъ! какими стихами осчастливилъ васъ Юлій? — Увы! меня не было на площади, когда онъ произнесъ ихъ! Повтори ихъ, если ты ихъ запомнилъ, сдѣлай милость!

— „Такіе стихи — да не запомнить?" — ретиво отвѣтствовалъ вопрошенный. — „За кого-жъ ты меня принимаешь? Слушай — и ликуй, ликуй вмѣстѣ съ нами!"

„Любители стиховъ! — такъ началъ божественный Юлій...

„Любители стиховъ! Товарищи, друзья!
Поклонники всего, что стройно, звучно, нѣжно!
Да не смущаетъ васъ мгновенье скорби тяжкой!
Желанный мигъ придетъ,—и день прогонитъ [ночь!"

— „Каково?"

— Помилуй! — возопилъ Юній — да это мои стихи! — Юлій должно быть, находился въ толпѣ, когда я произнесъ ихъ — онъ услышалъ и повторилъ ихъ, едва измѣнивъ —и ужъ, конечно, не къ лучшему, — нѣсколько выраженій!

— „Ага! Теперь я узнаю тебя... Ты Юній", — возразилъ, насупивъ брови, остановленный имъ гражданинъ. — [illegible] !.. [illegible]образи только

одно, несчастный! У Юлія какъ возвышено сказано: „И день прогонитъ ночь!...“ А у тебя — чепуха какая-то: „И свѣтъ разсѣетъ тьму!?“ — Какой свѣтъ?! Какую тьму?!“

— Да развѣ это не все едино... — началъ было Юлій...

—„Прибавь еще слово, перебилъ его гражданинъ — я крикну народу... и онъ тебя растерзаетъ!“

Юній благоразумно умолкъ, а слышавшій его разговоръ съ гражданиномъ сѣдовласый старецъ подошелъ къ бѣдному поэту и, положивъ ему руку на плечо, промолвилъ:

— „Юній! Ты сказалъ свое — да не во́ время; а тотъ не свое сказалъ — да во время. Слѣдовательно, онъ правъ — а тебѣ остаются утѣшенія собственной твоей совѣсти“.

Но пока совѣсть — какъ могла и какъ умѣла... довольно плохо, правду сказать — утѣшала прижавшагося къ сторонкѣ Юнія — вдали, среди грома и плеска ликованій, въ золотой пыли всепобѣднаго солнца, блистая пурпуромъ, темнѣя лавромъ сквозь волнистыя струи обильнаго ѳиміама, съ величественной медленностью, подобно царю, шествующему на царство, плавно двигалась гордо-выпрямленная фигура Юлія... и длинныя вѣтви пальмъ поочередно склонялись передъ нимъ, какъ бы выражая своимъ тихимъ вздыханьемъ, своимъ покорнымъ наклономъ — то непрестанно возобновлявшееся обожаніе, которое переполняло сердца очарованныхъ имъ согражданъ!

Апрѣль, 1878.

ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ.

Мы были когда-то короткими, близкими друзьями... Но настал недобрый мигъ—и мы разстались какъ враги.

Прошло много лѣтъ... И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ — и желаетъ видѣться со мною.

Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату... Взоры наши встрѣтились.

Я едва узналъ его. Боже! что съ нимъ сдѣлалъ недугъ!

Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородкой, онъ сидѣлъ въ одной, нарочно изрѣзанной рубахѣ... Онъ не могъ сносить давленія самаго мягкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно худую, словно обглоданную руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ — привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли — кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась — и на съёженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатилъ двѣ скупыя, страдальческія слезинки.

Сердце во мнѣ упало... Я сѣлъ на стулъ возлѣ него — и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку.

Но мнѣ почудилось, что не его рука взялась за мою.

Мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая, тихая, бѣлая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотрятъ ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы...

Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда насъ примирила...

Апрѣль, 1878.

ДВА БРАТА.

То было видѣніе...

Передо мною появилось два ангела... два генія.

Я говорю: ангелы... геніи — потому, что у обоихъ на обнаженныхъ тѣлахъ не было никакой одежды и за плечами у каждаго вздымались сильныя, длинныя крылья.

Оба — юноши. Одинъ — нѣсколько полный, гладкокожій, чернокудрый. Глаза каріе, съ поволокой, съ густыми рѣсницами; взглядъ вкрадчивый, веселый и жадный. Лицо прелестное, плѣнительное, чуть-чуть дерзкое, чуть-чуть злое. Алыя, пухлявыя губы слегка вздрагиваютъ. Юноша улыбается, какъ власть имѣющій — самоувѣренно и лѣниво; пышный цвѣточный вѣнокъ слегка покоится на блестящихъ волосахъ, почти касаясь бархатныхъ бровей. Пестрая шкурка леопарда, перехваченная золотой стрѣлою, легко повисла съ округлаго плеча на выгнутое бедро. Перья крыльевъ отливаютъ розовымъ цвѣтомъ: концы ихъ ярко красны, точно омочены багряной, свѣжей кровью. Отъ времени до времени они трепещутъ быстро, съ пріятнымъ серебристымъ шумомъ, шумомъ весенняго дождя.

Другой былъ худъ и желтоватъ тѣломъ. Ребра слабо виднѣлись при каждомъ вдыханіи. Волосы бѣлокурые, жидкіе, прямые: огромные, круглые, блѣдно-сѣрые глаза.. взглядъ безпокойный и странно-свѣтлый. Всѣ черты лица заостренныя; маленькій полураскрытый ротъ съ рыбьими зубами; сжатый, орлиный носъ, выдающійся подбородокъ, покрытый бѣловатымъ пухомъ. Эти сухія губы ни разу, никогда не улыбнулись.

То было правильное, страшное, безжалостное лицо! (Впрочемъ и у перваго, у красавца—лицо, хоть и милое, и сладкое, жалости не выражало тоже). Вокругъ головы второго зацѣпилось нѣсколько пустыхъ, поломанныхъ колосьевъ, перевитыхъ поблеклой былинкой. Грубая, сѣрая ткань обвивала чресла; крылья за спиною, темно-синія, матоваго цвѣта, двигались тихо и грозно.

Оба юноши казались неразлучными товарищами.

Каждый изъ нихъ опирался на плечо другого. Мягкая ручка перваго лежала, какъ виноградный гроздъ, на сухой ключицѣ второго; узкая кисть второго съ длинными, тонкими пальцами протянулась, какъ змѣя, по женоподобной груди перваго.

И послышался мнѣ голосъ. Вотъ, что произнесъ онъ:

„Передъ тобой Любовь и Голодъ — два родныхъ брата, двѣ коренныхъ основы всего живущаго.

„Все, что живетъ — движется, чтобы питаться, и питаться, чтобы воспроизводить.

„Любовь и Голодъ — цѣль ихъ одна: нужно, чтобъ жизнь не прекращалась, — собственная и чужая — все та же, всеобщая жизнь“.

Августъ, 1878.

НИКОЛАЙ РОМАНОВЪ

ИСПОВѢДЬ БЫВШАГО ЦАРЯ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

RUSSIAN PUBLISHING HOUSE
1359 Findlay Avenue
Bronx, N. Y.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Настоящая „Исповѣдь“ или, вѣрнѣе, „послѣднее слово осужденнаго“, переданная въ печать бывшимъ русскимъ царемъ—является исключительно интереснымъ, въ своемъ родѣ документомъ.

Опубликованіемъ этой „Исповѣди“ бывшій русскій самодержецъ стремится, по его словамъ, „внести въ лѣтопись правдиво и ясно всѣ событія приведшія къ моему отреченію отъ престола“.

Я рѣшилъ сдѣлать это — говоритъ онъ далѣе — потому, что хочу, чтобы русскій народъ зналъ всю правду и потому, что считаю это своимъ долгомъ передъ исторіей всего міра и главнымъ образомъ Россіей“...

Цѣль, безъ сомнѣнія, благородная...

Бѣда только въ томъ, что бывшій русскій тиранъ, повидимому, забылъ или не знаетъ, что историки, по крайней мѣрѣ добросовѣстные историки, заносятъ на страницы исторіи — только правду...

Мы не думаемъ, конечно, утверждать, что все, о чемъ онъ сообщаетъ въ свой „исповѣди“, ложно. Но мы ни сколько не погрѣшимъ передъ правдою, если скажемъ, что многое — завѣдомая и сознательная ложь.

Такъ, всю вину за деспотическій государственный режимъ, уничтоженный революціей, который онъ самъ теперь, повидимому, признаетъ преступнымъ, онъ взваливаетъ на своихъ министровъ и свою родню. Все злое и преступное, —говоритъ желающій омыть себя предъ русскимъ народомъ бывшій царь, — дѣлалось министрами и его родней или помимо его воли или безъ его вѣдома.

Всю отвѣтственность за сгніеніе тысячъ вѣрныхъ сыновъ Россіи по тюрьмамъ и каторгамъ; всю отвѣтственность за превращеніе Россіи въ одно огромное кладбище, на которомъ его опричники — могильщики русскаго народа — хоронили все доблестное и честное; всю отвѣтственность за порабощеніе русскаго народа, за полевые суды, карательныя экспедиціи, порки, жандармскіе застѣнки, погромы на евреевъ и армянъ и т. д. и т. д.—безъ конца... Всю отвѣтственность за все это, за весь ужасъ, въ которомъ была окутана вся страна во время его царствованія, Николай Романовъ старается снять съ себя.

Бывшій русскій царь оправдывается „незнаніемъ" того, что происходило въ странѣ во время его царствованія. Но, во-первыхъ, „Незнаніе—не есть оправданіе", говоритъ русская пословица, а во-вторыхъ... это слишкомъ ужъ наивное оправданіе, чтобы кто-либо могъ этому повѣрить.

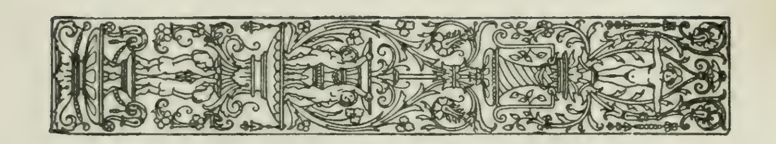
Слишкомъ много было слезъ на Руси, чтобы могъ онъ ихъ не видѣть; слишкомъ много было стоновъ, чтобы могъ онъ ихъ не слышать...

Единственно въ чемъ будущіе русскіе историки согласятся съ Николаемъ Романовымъ, это въ томъ, что онъ „недалекій" и безхарактерный, о чемъ онъ неоднократно напоминаетъ въ своей исповѣди. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Вмѣстѣ съ Николаемъ Романовымъ мы надѣемся, что нелицепріятный народный судъ и будущіе историки вынесутъ ему справедливый приговоръ.

Но впрочемъ, народный судъ произнесъ ужъ свой приговоръ. Однимъ движеніемъ своихъ богатырскихъ плечъ русскій народъ стряхнулъ съ себя царя и всю его свору опричниковъ, десятками лѣтъ высасывавшихъ изъ него его лучшіе жизненные соки, и указалъ имъ ихъ надлежащее мѣсто...

И. П.

Я съ удовольствіемъ принялъ великодушное предложеніе святѣйшаго прелата Тобольскаго монастыря внести въ лѣтопись правдиво и ясно всѣ событія приведшія къ моему отреченію отъ русскаго престола.

Я рѣшился сдѣлать это, потому что хочу, чтобы русскій народъ зналъ всю правду и потому что я считаю это своимъ долгомъ передъ исторіей всего міра и главнымъ образомъ Россіей.

Монархъ не можетъ непосредственно сноситься со своимъ народомъ. Онъ абсолютно отрѣзанъ отъ широкихъ слоевъ народа. Онъ вынужденъ сноситься съ ними черезъ посредство „достойныхъ довѣрія" министровъ. И чѣмъ больше эти министры достойны довѣрія, тѣмъ меньше онъ знаетъ о томъ, что происходитъ въ умахъ его подданныхъ.

Монархъ можетъ, однако, обратиться къ газетамъ, но газеты въ Россіи очень рѣдко отражаютъ мнѣніе широкихъ общественныхъ слоевъ.

Его обманывали при помощи поддѣльныхъ газетъ.

Не лишнимъ будетъ здѣсь отмѣтить, что во время крупныхъ безпорядковъ, происходившихъ въ послѣдніе дни нашей войны съ Японіей, министры, подъ предлогомъ, что

номера газетъ, предназначенныхъ для меня, печатаются на специально роскошной бумагѣ, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ обманывали меня спеціально-отпечатанными для этой цѣли номерами 25-ти русскихъ газетъ съ извращенными, конечно, и ложными извѣстіями.

Въ теченіе этого періода я началъ подозрѣвать, что мои министры обманываютъ меня. Мои глаза окончательно раскрылись, когда я обратился къ помощи иностранныхъ газетъ. Изъ нихъ я узналъ такія новости о положеніи дѣлъ въ Россіи, отъ которыхъ я пришелъ въ ужасъ.

Я всегда интересовался желаніями и чаяніями народа. Много лѣтъ тому назадъ, когда я былъ еще цесаревичемъ, я посѣтилъ Копенгагенъ (Данія). Одинъ изъ датскихъ принцевъ, прогуливаясь вмѣстѣ со мною, разсказалъ мнѣ, что между датскимъ королемъ и парламентомъ происходятъ серьезныя столкновенія. Я тогда замѣтилъ ему: „Я предпочелъ бы быть человѣкомъ съ доходомъ въ 8,000 рублей въ годъ, нежели императоромъ".

Если бы онъ обладалъ способностями и силой воли.

Если бы это зависѣло отъ меня, то я бы отрекся отъ права на престолъ еще раньше, чѣмъ я взошелъ на него. Если бы я обладалъ достаточной силой воли и способностью зарабатывать на жизнь для себя и своего семейства, то я бы, вѣроятно, подыскалъ себѣ болѣе пріятное занятіе, чѣмъ быть царемъ.

Онъ никогда не хотѣлъ быть самодержцемъ.

Еще будучи ребенкомъ, я очень любилъ слушать разсказы Вольтера Скота, которые мнѣ часто читалъ мой любимый учитель, англичанинъ Вильямъ Гайтъ. Самое силь-

ное впечатлѣніе на мой дѣтскій мозгъ производила сцена изъ разсказа „Ди Лэйди офъ ди Лэйкъ", гдѣ шотландскій король, выѣзжая изъ своего дворца, встрѣчается шумными оваціями его подданныхъ и возгласами: „Да здравствуетъ король народа! Да здравствуетъ король Джеймсъ!".

Когда мистеръ Гайтъ кончалъ читать эти слова, моя душа наполнялась счастьемъ. Я лелѣялъ мысль стать такимъ королемъ. Но, увы! Что за трагическія дни ждали меня!

Я тоже хотѣлъ быть королемъ народа, однимъ изъ народа, а сдѣлался самодержцемъ. Мое имя превратилось въ символъ всего злого и жестокаго въ мірѣ. Это было моей трагедіей. Я сдѣлался тѣмъ, что я самъ ненавидѣлъ всей моей душой.

Нѣсколько разъ я заговаривалъ съ моимъ отцомъ о сценѣ въ „Ди Лэйди офъ ди Лэйкъ" и разсказывалъ ему какія чувства эта сцена во мнѣ вызывала.

Онъ мнѣ однажды отвѣтилъ коротко и строго:

„Самодержцы должны управлять желѣзной рукой или совсѣмъ отказаться отъ трона".

Это правда. Средняго пути нѣтъ.

Я помню хорошо слова моего отца. Я не могъ править желѣзной рукой и потому я отказался отъ трона.

Претензія къ новому правительству.

Я просилъ у новаго народнаго правительства, чтобы мнѣ было разрѣшено дожить свои годы въ маленькой простой вилѣ, среди крымскихъ виноградниковъ. Тамъ, въ тишинѣ и въ простотѣ я былъ бы счастливъ. Мнѣ было отказано въ этомъ. Я понимаю ихъ.

Я знаю, что оно не поступило такъ изъ чувства мести.

Новое правительство знало лучше общую и русскую

исторію, чѣмъ русскаго царя. Исторія всѣхъ странъ ихъ учила, что свергнутый монархъ всегда пытается снова взойти на тронъ.

Я ихъ не обвиняю. Они меня знали только черезъ моихъ министровъ, а мои министры никогда не представляли меня въ истинномъ свѣтѣ.

Родственники его огорчаютъ.

Что меня сильно огорчаетъ, такъ это отношеніе ко мнѣ, до и послѣ этихъ знаменательныхъ дней, моихъ дядей и кузеновъ.

Почти до самаго послѣдняго времени каждый изъ моихъ августѣйшихъ родственниковъ считалъ своимъ долгомъ учить меня и давать совѣты, какъ управлять страной.

Когда же они узнали, что я рѣшилъ никогда больше не считаться съ ихъ совѣтами и не слушаться ихъ, а придти въ непосредственное соприкосновеніе со своими подданными, они начали бросать грязью и пошлостью на мою жену и обвинять ее въ томъ, что она будто-бы диктуетъ мнѣ всѣ мои политическіе акты.

Моя жена — человѣкъ съ нѣжной и чистой душой и правовѣрная христіанка. И я совсѣмъ не стыжусь того, что очень часто совѣтовался съ нею въ вопросахъ большой государственной важности.

Царь — „Младенецъ съ большой бородой“.

Моя жена довольно талантливая картунистка. Однажды она нарисовала каррикатуру, представлявшую меня въ видѣ 10-мѣсячнаго ребенка съ большой бородой, окруженнаго множествомъ дядюшекъ и тетушекъ — Великихъ Князей и Княженъ — и всѣ они стараются кормить меня,

прутъ мнѣ ложки въ ротъ, а я горько плачу и стараюсь отборонится отъ нихъ.

Эта каррикатура мнѣ очень понравилась. Вскорѣ послѣ этого, во время придворнаго пріема, я съ гордостью показывалъ ее всѣмъ. Это было вѣжливое объявленіе съ моей стороны, что я раздѣляю мнѣніе моей жены о моихъ родственникахъ.

Ненависть ко мнѣ и моей женѣ со стороны моихъ высокопоставленныхъ дядюшекъ и тетюшекъ тянется съ того инцидента.

Они никогда не видѣли ничего юмористическаго въ этой каррикатурѣ, и мой августѣйшій дядя, Павелъ Александровичъ, прочелъ мнѣ цѣлую нотацію, почему я позволяю себѣ заниматься недостойными развлеченіями. Я напомнилъ ему, что слово „достоинство“ мнѣ всегда было противно, и что въ Святомъ Писаніи это слово ни разу не упоминается.

Дядя Павелъ оставилъ пріемный залъ въ возбужденномъ состояніи. Дядя Павелъ никогда не былъ доволенъ, и либо читалъ нотаціи, либо бѣгалъ по дворцу ходатайствуя объ особыхъ привиллегіяхъ для себя или для его своенравныхъ и капризныхъ сынковъ. То онъ хотѣлъ бы заставить меня вмѣшаться въ дѣла правосудія, то помиловать кого-либо изъ его осужденныхъ друзей или близкихъ пріятелей.

Я хочу здѣсь отмѣтить, что если бы я продолжалъ находиться въ дружескихъ отношеніяхъ съ моими августѣйшими родственниками, они бы защищали меня до послѣдней минуты! Они бы кровью залили улицы городовъ, чтобы удержать тронъ, въ которомъ они были больше заинтересованы, чѣмъ я. Они бы заперли меня въ одномъ изъ дворцовъ и отъ моего имени взывали бы къ патріотизму солдатъ и матросовъ. Кровью русскаго народа они бы боролись за свои царственныя привиллегіи.

Исторія съ Распутинымъ.

Я хочу, чтобы весь міръ зналъ, что всѣ разсказы обо мнѣ въ связи съ Распутинымъ не вѣрны съ начала до конца. Я даю свое честное слово, что я никогда не выставлялъ Распутина, какъ своего представителя. Я утверждаю, что онъ никогда не посѣщалъ дворца съ моего разрѣшенія или съ разрѣшенія моей жены.

Я также отрицаю разсказы о томъ что моя жена когда либо переписывалась съ нимъ или когда либо принимала у себя для того, чтобы совѣтоваться съ нимъ о какихъ либо дѣлахъ.

Эта исторія съ Распутинымъ выдумана моими собственными дядями и двоюродными братьями. Версіи этой исторіи, появляющіяся сейчасъ на страницахъ русскихъ газетъ, меня сильно волнуютъ.

Они давятъ меня, но особенно я страдаю отъ того, что онѣ страшно вліяютъ на мою жену.

Мы эти навѣты не могли бы совсѣмъ перенести, если бы насъ не поддерживала глубокая вѣра въ Бога.

Россія на порогѣ событій.

Въ концѣ 1915 года стали появляться указанія на ужасную дезорганизацію въ общественной и военной жизни.

Несмотря на то, что мои министры представляли мнѣ все въ хорошемъ и яркомъ свѣтѣ, я однако началъ понимать, что скоро наступитъ страшный кризисъ.

Но чѣмъ больше я интересовался и чѣмъ больше разспрашивалъ о различныхъ сторонахъ жизни, тѣмъ меньше я узнавалъ отъ министровъ.

Фактъ таковъ, что они неоднократно давали мнѣ ложныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ отечествѣ.

Результатомъ было то, что я сталъ на всѣхъ ихъ подозрительно смотрѣть. Этимъ объясняется причина, почему

я такъ часто и быстро смѣнялъ министровъ пока я не убѣдился, что среди нихъ нѣтъ ни одного честнаго и что почти невозможно найти лучшихъ на ихъ мѣста.

Въ силу этихъ причинъ положеніе ухудшалось. Я самъ чувствовалъ, что наступаетъ страшная, катастрофа. Я не зналъ, какъ дѣйствовать. Одна мысль о катастрофѣ приводила меня въ дрожь.

Я долженъ прибавить, что хотя газеты и писали, что тотъ или другой министръ имѣетъ довѣріе народа, однако, это не соотвѣтствовало истинѣ. Народъ не довѣрялъ ни реакціоннымъ, ни либеральнымъ министрамъ.

Сторонникъ парламентской системы.

Благодаря вліянію моего англійскаго учителя въ свое время, я выучился цѣнить англійскую парламентскую систему правленія. Однако, я скоро убѣдился, что короли не создаютъ парламентовъ, что они создаются только самими народами.

Въ теченіе этого періода тяжелой агоніи, я нѣсколько разъ пробовалъ совѣтоваться съ моими кузенами. Дважды я пробовалъ совѣтоваться съ моими дядями. Я предложилъ имъ вызвать патріотизмъ моихъ подданныхъ тѣмъ, что я объявлю Россію демократической республикой съ парламентской системой правленія. Я думалъ вручить парламенту актъ своего отреченія отъ престола, который долженъ былъ войти въ силу черезъ шесть мѣсяцевъ по окончаніи войны. Особенно противился этому плану дядя Павелъ.

Мои дяди увѣряли, что такой намекъ на отреченіе въ это время, или въ какое бы то ни было другое время, былъ бы сигналомъ къ народному возстанію, — къ лишенію ихъ титуловъ, окладовъ и земельныхъ богатствъ. Я былъ пораженъ тѣмъ, что ихъ первой мыслью въ годину на-

роднаго бѣдствія — была мысль о личномъ комфортѣ и благополучіи.

„Что я могъ сдѣлать!"

Что я могъ сдѣлать въ такомъ положеніи и такое время?

Боже, какъ они измѣнились со дня моего отреченія! Они зашли даже такъ далеко, чтобы безъ зазрѣнія совѣсти увѣрять въ печати, что они сами непосредственно помогали революціонному перевороту.

Это — ложь!

Поскольку династія или я лично были заинтересованы — революціи не было, и возстаніе не было направлено лично противъ меня. Борьба была между полиціей и народомъ. И полиція сражалась, сама не зная за что.

Представители нашихъ союзныхъ державъ неоднократно обращали мое вниманіе на то, что наша страна находится на порогѣ полнаго развала, и аппелировали ко мнѣ остановить этотъ процессъ развала.

Но какъ я могъ это сдѣлать!?

Не проходило дня, чтобы мнѣ не передавали о предательствѣ въ арміи; про аммуницію которую направляютъ не къ фронту, а возможно подальше отъ фронта... Про плохую аммуницію, фуражъ и съѣстные продукты отправлявшіеся на фронтъ: про взрывы военныхъ поѣздовъ и т. д. и т. д.

Что я могъ предпринять?

Я окружалъ себя новымъ составомъ министровъ. Но каждый новый министръ былъ хуже своего предшественника, и мною овладѣло желаніе взять судно и бѣжать, куда глаза глядятъ.

Россія не была подготовлена къ войнѣ.

Мы начали войну внезапно и безъ достаточной подготовки. Мы имѣли лишь очень небольшой запасъ аммуниціи въ нашихъ арсеналахъ. Послѣ нѣкотрыхъ схватокъ съ непріятелемъ обнаружилась недохватка боевыхъ припасовъ и явилась необходимость удаленія военнаго министра Сухомлинова въ іюнѣ, 1915 г.

М. Горемыкинъ, смѣнившій его, несмотря на свои способности и честность, встрѣтилъ еще меньше довѣрія со стороны общества и оказался крайнимъ реакціонеромъ. Онъ повелъ враждебную политику по отношенію къ Думѣ. Горемыкинъ распустилъ Думу безъ моего вѣдома, на основаніи ложнаго документа.

М. Кривошеинъ, министръ земледѣлія, который былъ очень цѣненъ и незамѣнимъ, подалъ въ отставку. Я вынужденъ былъ удалить также и Горемыкина въ январѣ 1916 года.

До этого времени несогласіе между народомъ и министрами было чисто политическое. Но вскорѣ борьба разгорѣлась на экономической почвѣ. Всѣ мои великіе князья давали мнѣ ложные совѣты и хотѣли свести меня съ пути. Единственный который дѣйствительно давалъ мнѣ правильные и честные совѣты — это великій князь Николай Михайловичъ. Но его я, къ сожалѣнію, не слушалъ.

Вотъ одно изъ его предупрежденій.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА, АДРЕСОВАННОЕ ЦАРЮ.

„Очень часто ты извѣщалъ міръ, что ты готовъ вести войну до побѣднаго конца. Какимъ образомъ ты увѣренъ, что сможешь сдержать свое обѣщаніе при настоящемъ положеніи дѣлъ въ странѣ?

Знаешь ли ты, что происходитъ въ Россіи? Знаешь ли ты, что происходитъ среди народа? Въ состояніи ли ты узнать всю правду, или твои совѣтчики лживы и скрываютъ отъ тебя факты?

Знаешь ли ты, гдѣ зло творится и какимъ образомъ это зло предотвратить?

Вкратцѣ я тебѣ передамъ, откуда это зло берется, и что нужно сейчасъ дѣлать, чтобы его уничтожить.

Вполнѣ возможно, что настоящее положеніе вещей можетъ продержаться еще годъ или два безъ страшныхъ послѣдствій и катастрофы. Но помни, опасность растетъ, твой долгъ передъ народомъ очень великъ и ты обязанъ что-либо предпринять.

Любой подданный Россіи знаетъ, что теперь страна управляется скрытой рукой. Поэтому очень плохо и неумно продолжать старые методы управленія страной. Ты самъ неоднократно говорилъ мнѣ, что не вѣришь никому изъ своихъ приближенныхъ и что они все освѣщаютъ въ неправильномъ свѣтѣ.

А если это такъ, то я тебя предупреждаю быть осторожнымъ. Не довѣряйся слишкомъ своей женѣ, т. е. не довѣряйся ей въ политическихъ вопросахъ. Я знаю, что она любитъ тебя, но я увѣренъ въ то же время, что она безсознательно ведетъ тебя по скверному пути. Она не понимаетъ этого, ее сводятъ съ пути люди, у которыхъ на умѣ только дурныя мысли. Ты вѣришь Александрѣ Феодоровнѣ. Это вполнѣ естественно, но ты долженъ помнить, что все, что она тебѣ разсказываетъ не есть правда...

Царица разсказываетъ тебѣ факты, которые переданы ей очень хитрыми и фальшивыми людьми, знающими, какъ использовать ее.

Люди эти — политическіе интриганы, которые всегда старались кого-либо использовать для своихъ корыстолю-

бивыхъ цѣлей. Теперь твоя жена роскошное орудіе въ ихъ рукахъ.

Я знаю, что ты неоднократно пытался освободить ее отъ вліянія этихъ людей, но ты не имѣлъ успѣха. Поэтому, ты немедленно долженъ опомниться и понять, что прошло время разговоровъ и что ты долженъ принять другія мѣры, дабы отстранить интригановъ отъ вліянія на жену.

Твои намѣренія и рѣшенія всегда были честны и велики, твоя воля всегда хороша, но вся бѣда заключается въ томъ, что ты не имѣешь силы воли для проведенія своихъ намѣреній въ жизнь. Какъ только на тебя начинаютъ влiять какія либо лица, ты становишься безпомощнымъ и не знаешь, что дѣлать, кого слушать. Еслибъ ты могъ однимъ сильнымъ взмахомъ освободиться отъ темныхъ и злыхъ силъ, которыя вертятся позади твоего трона, и которые замышляютъ самое плохое противъ Россіи, то наша великая страна освободилась бы отъ кошмара и ты снова вернулъ бы свое вліяніе и довѣріе большинства населенія, которымъ ты, къ сожалѣнію, не пользуешься въ настоящее время.

Если ты послушаешься моего совѣта, то Россія съ честью выйдетъ съ ея теперешняго ужаснаго положенія и государственная жизнь страны потечетъ нормальнымъ порядкомъ.

Найдутся достойные люди, которые будутъ рады работать съ тобой рука-объ-руку для блага отечества. Время бѣжитъ, спѣши, ибо иначе будетъ поздно".

Это было предупрежденіе, которое мнѣ писалъ Николай Михайловичъ, и хотя во многихъ отношеніяхъ онъ ошибался, однако я долженъ признаться, что великій князь хотѣлъ помочь мнѣ самымъ честнымъ образомъ и въ его совѣтахъ было очень много вѣрнаго и важнаго.

Штюрмеръ появляется на сценѣ.

Передъ тѣмъ какъ я назначилъ Штюрмера премьеромъ, я много думалъ и рѣшилъ быть очень осторожнымъ.

Разъ я даже рѣшилъ былю назначить премьеромъ кого-либо изъ либераловъ, но члены моей семьи меня уговаривали не дѣлать этого, пугая что этимъ будетъ вызвана революція въ странѣ. Лично Штюрмера я не любилъ. Но со всѣхъ сторонъ мнѣ доказывали, что онъ очень энергиченъ. Поэтому я согласился. Но, Боже мой, сколько непріятностей я перенесъ изъ-за этого человѣка.

Когда я согласился назначить Штюрмера премьеръ-министромъ, я рѣшилъ немедленно созвать Думу, которая была разогнана, и лично явиться къ депутатамъ и произнести рѣчь. Я объяснилъ это Штюрмеру и заявилъ ему, что въ Думѣ я объясню о готовности пойти на встрѣчу начинаніямъ депутатовъ.

Я также поставилъ условіемъ, что Штюрмеръ ни подъ какимъ видомъ не будетъ имѣть права угрожать Думѣ.

Я ему заявилъ, что я твердо рѣшилъ строго наказывать всякаго, кто осмѣлится угрожать Думѣ разгономъ, хотя бы это былъ самъ премьеръ страны.

Я ему заявилъ, что только я лично буду устанавливать отношенія правительства къ Думѣ и что только приказы собственноручно подписанные мною будутъ имѣть значеніе для Думы. Я самымъ строгимъ образомъ наказалъ Штюрмеру, чтобы онъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы правительство рука объ рука работало съ Государственной Думой. Я тогда про себя рѣшилъ, что, въ случаѣ между правительствомъ и Думой произойдутъ конфликты, я лучше пожертвую министрами, чѣмъ Думой.

Царица вѣрила въ Штюрмера.

Генералы Поливановъ и Шуваловъ, лучшіе въ арміи, помогли Штюрмеру реорганизовать армію и имъ это удалось вполнѣ. Доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что армія была въ столь хорошемъ боевомъ положеніи, что въ серединѣ января 1916 года она снова побѣдоносно двинулась противъ непріятеля.

Я долженъ замѣтить, что Штюрмеръ съ начала работалъ при очень тяжелыхъ условіяхъ. Его положеніе съ самого начала было очень непріятнымъ. Я лично всегда имѣлъ подозрѣніе въ нечистоплотности его политики. Его имя еще болѣе усилило это подозрѣніе. Его имя вызвало большое недовѣріе народа къ нему. Жена же моя какъ разъ питала большое довѣріе къ нему.

Это ни для кого не было секретомъ. Всѣ это знали и использовали, какъ средство противъ правительства. Само собой разумѣется, что въ этомъ были виноваты мои враги.

Газеты, частью скрыто, частью вполнѣ открыто высказывали недовѣріе къ моему правительству. Относительно Штюрмера и другихъ министровъ намекали вполнѣ недвусмысленно...

Народъ подобенъ плачущему ребенку.

Я пытался изучить желаніе народа. Я хотѣлъ понять, чего именно желаетъ народъ и чего онъ не желаетъ. Но къ сожалѣнію, я ничего не могъ узнать. Я зналъ, что народъ враждебно относится къ моимъ министрамъ, но кого они хотѣли бы и кого они поддержали бы — это было трудно узнать.

Положеніе было критическое и невыяснимое.

Я безусловно былъ бы радъ передать министерство въ

руки другихъ партій. Правда такова, что я хотѣлъ передать все министерство въ руки соціалъ-демократовъ (!).

Но я чувствовалъ и убѣдился, что и соціалистическій премьеръ не будетъ имѣть довѣрія и поддержки страны.

Русскій народъ, въ лицѣ своихъ представителей въ Госуд. Думѣ былъ очень энергиченъ въ выраженіи своего мнѣнія на счетъ того, кого онъ не желаетъ министромъ или премьеромъ. Но онъ никогда не высказывался ясно и отчетливо, кого онъ желаетъ имѣть министромъ, и какихъ принциповъ долженъ таковой придерживаться. Русскій народъ былъ, какъ маленькій ребнокъ. Онъ производилъ на меня впечатлѣніе маленькаго ребенка, который просыпается ночью и плачетъ отъ боли. Онъ плачетъ безпрестанно, но когда ему желаютъ дать лекарство, онъ отталкиваетъ его. Такъ была и Дума. Она отъ всего отказывалась, что только ей не предлагали, независимо отъ того, полезно ли это или безполезно народу.

Въ то время я часто совѣщался съ Штюрмеромъ и требовалъ отъ него, чтобы онъ мнѣ говорилъ только чистую правду. Но онъ дѣйствовалъ такъ, какъ дѣйствовали его предшественники. Они мнѣ никогда правды не говорили, и онъ не говорилъ правды.

Однажды случилась исторія, когда я потерялъ терпѣніе и просто хотѣлъ прогнать Штюрмера отъ себя. Это случилось тогда, когда онъ мнѣ разсказалъ, что всѣ мои противники — простые профессіональные политиканы. Всѣ остальные депутаты, молъ, въ высшей степени довольны мной и правительствомъ, а политиканы не имѣютъ никакой силы.

Штюрмеръ предложилъ мнѣ тогда, чтобы я ему далъ разрѣшеніе очистить этихъ политикановъ съ бѣлаго свѣта. Онъ меня увѣрялъ, что если бы я рѣшилъ дѣйствовать „желѣзной рукой", онъ бы ихъ усмирилъ очень легко.

Я ему тогда энергично заявилъ, что никоимъ образомъ не потерплю такъ называемыхъ „желѣзныхъ мѣръ", и что я не вѣрю, что таковыя могли бы принести пользу народу. При другомъ случаѣ я заявилъ Штюрмеру, что всякій министръ, принимающій „сильныя мѣры", будетъ строго наказанъ.

Я уже тогда сильно искалъ замѣстителя Штюрмеру.

Я видѣлъ, что Штюрмеръ болѣе не можетъ состоять моимъ премьеръ-министромъ. Я рѣшилъ найти министра, который бы дѣйствительно былъ отвѣтствѣннымъ предъ страной и который бы пользовался довѣріемъ и симпатіями широкихъ общественныхъ слоевъ.

Нападки Думы на царицу.

Но какъ разъ тогда случился извѣстный милюковскій скандалъ. Я имѣю въ виду рѣчь, которую Милюковъ произнесъ въ Думѣ, когда онъ такъ сильно нападалъ на мое правительство со Штюрмеромъ во главѣ.

Милюковъ также сильно нападалъ тогда на мою жену.

Я былъ сильно возмущенъ, но контролировалъ себя и хотѣлъ только узннать, откуда эти исторіи вытекаютъ. Въ то вермя явился ко мнѣ Штюрмеръ и требовалъ, чтобы я ему далъ разрѣшеніе разогнать Думу.

„Я увѣряю Васъ, говорилъ онъ мнѣ, что если Вы разрѣшите мнѣ распустить Думу и разогнать депутатовъ въ города, откуда они пріѣхали, тогда все успокоится. Никто меня не будетъ критиковать и опять наступитъ порядокъ, какъ полагается".

Отставка Штюрмера — назначеніе Трепова.

Когда я услыхалъ эти слова отъ Штюрмера, я быстро рѣшилъ, какъ нужно дѣйствовать.

Я немедленно понялъ, что Штюрмеръ не тотъ человѣкъ, который долженъ представлять меня передъ народомъ. Я видѣлъ, что онъ зашелъ черезчуръ далеко и что его путь — опасный. Поэтому я немедленно потребовалъ, чтобы онъ подалъ въ отставку.

Штюрмеръ сильно обидѣлся. Онъ жаловался затѣмъ великому князю, что онъ могъ бы ввести безусловный порудокъ въ странѣ, если бы я далъ ему возможность.

Какъ только Штюрмеръ подалъ въ отставку, я назначилъ премьеромъ Трепова.

Треповъ былъ очень опытный человѣкъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и спеціалистъ по транспорту. У него были и другія блестящія качества. Въ то время для всѣхъ было ясно, что вся бѣда Россіи заключалась въ томъ, что система желѣзныхъ дорогъ была страшно дезорганизована. Транспортная система нѣмцевъ была превосходна, а наша никуда не годилась. Поэтому я былъ убѣжденъ, что Треповъ будетъ имѣть большое значеніе въ дѣлѣ урегулированія хозяйственной и транспортной системы страны.

Кромѣ того я зналъ, что Треповъ очень честенъ и достоенъ довѣрія. Я зналъ, что нъ знаетъ свое дѣло и сдѣлаетъ для отечества все лучшее и все возможное.

Я былъ счастливъ, когда Треповъ сталъ премьеромъ страны, ибо я былъ увѣренъ, что ему удастся получить довѣріе страны. Но къ сожалѣнію, этого не случилось. Треповъ не могъ сдѣлать того, чего я ожидалъ отъ него.

Онъ не могъ выиграть довѣрія и симпатіи страны и черезъ шесть недѣль подалъ въ отставку. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать.

Я думалъ и гадалъ, кого назначить премьеромъ. Я совѣтовался со многими людьми, но нельзя было прійти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. Одни совѣтовали одню, другіе — другое.

Одни настаивали на томъ, чтобы я разогналъ Думу и сталъ бы править Россіей „желѣзной рукой". Предлгавшіе это, были лица, стоявшія очень близко ко мнѣ и имѣвшія большое вліяніе въ странѣ. Однако, я ихъ не слушалъ. Ихъ планы не нравились мнѣ и я рѣшилъ избрать премьеромъ князя Голицына.

При первомъ разговорѣ съ нимъ я ему ясно сказалъ, что настаиваю на томъ, что премьеръ долженъ заручиться симпатіями страны и что онъ долженъ приложить всѣ усилія для завоеванія довѣрія Государственной Думы.

Я заявилъ ему, что желаю, чтобы Дума работала рука объ руку съ моимъ правительствомъ, и чтобы во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось дать народу умѣренную конституцію, была достигнута полная гармонія дѣйствій между этими двумя государственными органами правленія.

Я зналъ, что князь Голицынъ не былъ очень демократически настроенъ, и что онъ въ извѣстной степени плутократъ, но я вѣрилъ, что онъ честенъ и ярый патріотъ. Поэтому я ожидалъ, что изъ любви къ родинѣ онъ поступитъ такъ, какъ я ему повелѣвалъ.

Я неоднократно взывалъ къ его чувству патріотизма и просилъ отбросить въ сторну всѣ личныя интересы и амбиціи и взяться за дѣло реорганизаціи въ конецъ расшатаннаго государственнаго организма.

Всѣ въ Россіи хорошо знали, что если мы не желаемъ быть побѣжденными въ этой войнѣ, то мы должны упорядочить дѣла внутри страны. Если бы мы могли упорядочить нашу индустрію, коммерцію и политическую жизнь страны, тогда мы побѣдили бы.

Князь Голицынъ меня внимательно выслушалъ и ни слова не высказалъ противъ моихъ доводовъ и мыслей.

Наоборотъ, онъ увѣрялъ меня, что онъ готовъ предложить депутатамъ Государственной Думы работать рука

объ руку съ правительствомъ и что онъ готовъ итти на всякія уступки.

Я поблагодарилъ князя и облегченно вздохнулъ, ибо я разсчитывалъ, что наконецъ-то, я нашелъ настоящаго мужа, котрый сможетъ объединить народъ и явится моимъ достойнымъ представителемъ.

Но князь Голицынъ не долго придерживался примиренческой политики. Раньше, чѣмъ я успѣлъ оглянуться, все пошло вверхъ дномъ.

Князь Голицынъ, такимъ образомъ, тоже не смогъ исполнить моего желанія. Ему мѣшали. На этотъ разъ помѣхой былъ Протопоповъ.

Я избралъ Протопопова въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Пртопоповъ былъ товарищемъ предсѣдателя Государственной Думы и считался либераломъ. Кто могъ подумать, что меня будутъ обвинять въ томъ, что я назначилъ Протопопова министромъ?

Составивъ Голицынскій кабинетъ министровъ и включивъ въ него Протопопова въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, я вѣрилъ, что, составляю „смѣшанное" министерство изъ либераловъ и консерваторовъ, которое встрѣтитъ одобрѣеніе думскаго большинства.

Не нужно забывать, что Протопоповъ былъ именно тѣмъ лицомъ, которое стояло во главѣ русской парламентской комиссіи отправившейся въ Лондонъ, Англію.

Онъ въ свое время изучалъ англійскіе законы и былъ знакомъ съ парламентской системой правленія.

Пртопоповъ также выступалъ съ рѣчами въ Лондонѣ и другихъ городахъ Англіи отъ имени русскаго народа и Государственной Думы.

Считаясь со всѣмъ этимъ, я, естественно, надѣялся, что онъ окажется на высотѣ своего новаго призванія.

Протопоповъ — предатель.

Протопоповъ оказался лже-либераломъ самой низшей марки. Какъ только онъ почувствовалъ власть въ своихъ рукахъ, онъ забылъ о своемъ либерализмѣ. Вмѣсто примирѣнія правительства съ Думой онъ вызвалъ новый взрывъ негодованія со стороны депутатовъ. За одно ужъ посыпались обвиненія также и противъ царицы, поддерживавшей Протопопова.

Но какъ можно было обвинять царицу за безпринципіальность и политическую нечестность Протопопова?

Вѣдь, правду сказать, не только я не зналъ, что Протопоповъ ренегатъ и предатель Россіи, но никто другой этого тогда не зналъ. Думскіе депутаты не подозрѣвали этого, и даже его самые ярые враги не знали этого. Если бы они это знали, то Протопоповъ не могъ бы попасть въ товарищи предсѣдателя Государственной Думы. Фактъ таковъ, что даже наша союзница Англія питала довѣріе къ Протопопову и довѣряла ему военные секреты.

Только послѣ моего отреченія я узналъ, правду о Протопоповѣ. Только послѣ этого я узналъ, что, возвращаясь изъ Англіи въ Россію, Протопоповъ имѣлъ тайныя конференціи съ нѣмецкими агентами въ шведской столицѣ, гдѣ за золото продалъ нѣмцамъ свою душу и судьбу Россіи.

Какъ я могъ это знать?

Я никогда не былъ на одномъ мѣстѣ. Иногда въ Петроградѣ, остальное время на фронтѣ. Я тогда уже зналъ, что во всей странѣ царитъ сильное недовольство противъ меня. Но я не зналъ, что такое же недовольствіе царитъ и въ арміи.

Позже я узналъ, что въ арміи вражда къ моему правительству еще сильнѣе, чѣмъ вражда въ народѣ.

Я также узналъ, что строгія мѣры помогаютъ только увеличивать ненависть къ моему правительству.

Царь высмѣянъ солдатами.

Всякій имѣющій ясную голову и глаза понималъ и видѣлъ, что въ арміи готовится возстаніе.

Это было понятно всѣмъ, но только не моимъ генераламъ. Они были слѣпы и не видѣли, что дѣлалось вокругъ нихъ.

Впервые я узналъ объ отношеніи солдатъ ко мнѣ во время одного смотра солдатамъ на фронтѣ.

Я былъ одѣтъ въ форму простого фицера и меня сопровождали всего два гвардейскихъ офицера. Я подошелъ къ группѣ солдатъ, которые стояли и разговаривали. Я поздоровался съ ними. Какъ только они узнали, что передъ ними стоитъ ихъ царь, они выстроились во фронтъ и взяли подъ козырекъ. Сказавъ имъ нѣсколько словъ я собирался уже перейти къ другой группѣ солдатъ, стоявшей неподалеку, какъ вдругъ я услыхалъ нѣсколько нелестныхъ замѣчаній и смѣхъ по моему адресу.

Офицеры, сопровождавшіе меня, пришли въ страшную ярость и вытащивъ свои шашки пытались напасть на солдатъ, но я сдержалъ ихъ. Я не разсердился. Состояніе моего духа было настолько угнетено, что я не въ состояніи былъ сердиться.

Ночью, вернувшись въ главную квартиру, я отдалъ приказъ, чтобы ко мнѣ привели зачинщиковъ изъ группы, которая меня высмѣяла. Въ группѣ той было около 50 человѣкъ.

Часа черезъ два предо мною предстали 4 солдата. Всѣ они были на видъ интеллигентные люди. Держали себя свободно и индифферентно. На мои вопросы они мнѣ,

между прочимъ, разсказали, что по приказанію ихъ генерала одинъ изъ каждыхъ 5 солдатъ ихъ группы былъ разстрѣлянъ немедленно послѣ этого инцидента.

Эта кровавая расправа мнѣ не понравилась.

На мой вопросъ почему они меня такъ недружелюбно проводили, они отвѣтили, что не узнали меня, принявъ меня за обыкновеннаго офицера, но что вообще они царя не любятъ...

Долженъ сознаться, что ихъ прямой отвѣтъ меня очень покоробилъ. Мнѣ было обидно, что никто меня не любитъ, даже тѣ, которые меня совершенно не знаютъ.

Однако я былъ очень возмущенъ, зачѣмъ въ арміи вводится столь нечеловѣческая и звѣрская дисциплина. Я немедленно повелѣлъ уволить генерала, отдавшаго приказъ разстрѣлять солдатъ изъ группы, оскорбившей меня.

Царь безсиленъ противъ генераловъ.

Но сейчасъ же послѣ этого случилось нѣчто такое, чего простой человѣкъ не могъ бы никакъ понять. Послѣдующее показало, что когда въ арміи подымается вопросъ о дисциплинѣ, то и самъ царь не имѣетъ силы, а долженъ подчиниться дисциплинѣ.

Какъ только по арміи разнесся слухъ, что я уволилъ генерала, приказавшаго разстрѣлять солдатъ, среди офицеровъ поднялся ропотъ.

Собравшіеся затѣмъ нѣкоторые генералы выступили съ заявленіемъ, что офицеръ имѣетъ право убить солдата, но царь не долженъ увольнять офицеровъ. Генералы объяснили мнѣ, что мой поступокъ вызоветъ анархію въ арміи. Кромѣ того нельзя увольнять генерала, считавшагося отличнымъ стратегомъ.

Тогда только я понялъ, что дисциплина является маской жестокой тираніи, при которой офицеру все разрѣшается. Офицеръ можетъ разстрѣлять десять солдатъ за оскорбленіе императора, самъ же императоръ не имѣетъ силы руководить дисциплиной.

Конечно, я могъ бы все сдѣлать, если бы хотѣлъ нарушить офицерскую этику. Да, я могъ это сдѣлать, но никто такъ не поступаетъ. Армія — машина, которая работаетъ по установленному шаблону.

Однако, со времени моего столкновенія съ генералами, я чаще сталъ вмѣшиваться во взаимоотношенія офицеровъ и солдатъ. Я сталъ посредникомъ между младшими офицерами и ихъ начальствомъ и между солдатами и ихъ старшими.

У меня были двѣ задачи. Съ одной стороны примирить народъ съ моимъ правительствомъ, съ другой — примирить солдатъ съ офцерами. Въ обѣихъ случаяхъ я былъ противъ „крутыхъ мѣръ", хотя народъ объ этомъ не зналъ, а если и зналъ, то не вѣрилъ.

Наслѣдникъ слышитъ какъ солдаты ругаютъ его отца и мать.

Однажды случилось происшествіе, которе сильно повліяло на меня.

Случилось это такъ:

Я часто бралъ своего сына на боевой фронтъ. Я хотѣлъ, чтобы мой сынъ видѣлъ и ознакомился съ жизнью солдатъ на поляхъ. Мало того, я часто разрѣшалъ ему самому гулять среди солдатъ. Я желалъ, чтобы онъ былъ столь же демократичнымъ, какъ и я.

Однажды наслѣдникъ вернулся въ штабъ-квартиру разстроенный и взволнованный. Онъ едва могъ говорить.

Когда я спросилъ его, почему онъ такъ разстроенъ, мой сынъ разсказалъ мнѣ, что солдаты ругаютъ меня. Но еще хуже было, когда въ слѣдующій разъ онъ пришелъ заплаканный. Я едва узналъ мальчика. Когда Алексѣй пришелъ въ себя, онъ разсказалъ, что солдаты сильно ругаютъ царицу, его мать.

Наслѣдникъ началъ задавать мнѣ вопросы, которые привели меня въ смущеніе и на которые я не могъ ему отвѣтить. Да и какимъ, собственно, образомъ я могъ отвѣтить ему на его вопросы, когда я и самъ хорошо не зналъ, за что они меня ругаютъ. Я не могъ объяснить наслѣдника также, почему многіе русскіе съ начала войны стали ненавидѣть его мать. Интересно отмѣтить, что ненависть эта царила въ самыхъ различныхъ классахъ населенія. Не только среди сѣрой массы, но и среди интеллигентовъ.

Конечно, я понималъ въ чемъ дѣло, но не могъ же я этого говорить ребенку. Я отлично понималъ, что если государственная система плохо работаетъ и народъ чувствуетъ себя угнетеннымъ, то онъ ненавидитъ всѣхъ стоящихъ у власти, и главнымъ образомъ, конечно, главу государства.

А мои противники въ это время распускали слухи, что я шагу не могу ступить безъ совѣта съ одной темной личностью (Распутинъ) и съ группой черносотенцевъ. По ихъ словамъ выходило, что въ моемъ кабинетѣ всегда находилась группа монаховъ и реакціонеровъ, которые съ меня глазъ не спускали.

Я воспользуюсь сздѣсь случаемъ и разскажу всему міру, почему создалась непріязнь со стороны громаднаго большинства русскаго народа къ царицѣ, моей женѣ.

Непріязнь народа къ царицѣ существовала еще и до войны, но во время войны эта непріязнь выросла въ ненависть.

Царица не любила русскій народъ.

Я долженъ замѣтить, однако, что эта непріязнь была обоюдной. Царица также не въ меньшей степени чувствовала непріязнь и ненависть къ русскому народу, но этому были особыя причины.

Я отмѣчу здѣсь факты, касающіеся этой обоюдной непріязни, дабы будущіе историки могли должнымъ образомъ оцѣнить это положеніе вещей и вынести справедливый приговоръ.

Моя жена не русская. Въ ея жилахъ течетъ нѣмецкая кровь. Когда она пріѣхала въ Петроградъ, въ качествѣ моей жены, и стала потомъ царицей, вся моя родня рѣшила, что она не можетъ быть русской царицей, и противъ нея начались интриги.

Это было въ 1894 году. Когда моя жена прибыла въ Петроградъ, она не знала русскихъ обычаевъ и не говорила по-русски. Все, что было мило для насъ, ей казалось смѣшнымъ и нелѣпымъ. Моя жена была тогда еще очень молода. Ей было всего 22 года.

Я долженъ замѣтить, однако, что какъ только моя жена пріѣхала въ русскую столицу она энергично принялась за изученіе русскаго языка и приняла мѣры къ тому, чтобы обрусѣть.

Неоднократно она говорила мнѣ, что желаетъ забыть о своемъ происхожденіи. Она желала, чтобы вся ея жизнь была тѣсно связана со счастьемъ Россіи.

Но сколько она ни пыталась обрусѣть, сколько она ни пыталась показать, что она русская, не помогало. Родня моя ставила ей препятствія на каждомъ шагу.

При каждомъ удобномъ случаѣ ее обижали. Конечно, это дѣлалось очень тонко, но Александра Федоровна чув-

ствовала это. Не проходило недѣли, чтобы мнѣ по этому поводу не приходилось приходить въ гнѣвъ. Всякій разъ я утѣшалъ ее и старался смягчить некорректность моихъ родственниковъ.

Мать царя вела кампанію противъ царицы.

Мнѣ приходится къ сожалѣнію отмѣтить, что моя собственная мать была однимъ изъ сильнѣйшихъ враговъ моей жены. Я не хотѣлъ бы впутывать мать въ эту исторію, но какъ мнѣ не жаль, во имя выясненія истины, мнѣ приходится это отмѣтить. Это слишкомъ важный фактъ, чтобы его замолчать, такъ какъ моя мать была лидеромъ движенія противъ моей жены.

Александра Федоровна съ самаго начала приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы не дошло до открытаго столкновенія со вдовствующей императрицей. Неоднократно она смалчивала или показывала видъ, что не понимаетъ оскорбленій, направленныхъ противъ нея. Часто она превращала все въ шутку и ограничивалась улыбкой. Но положеніе ухудшалось съ каждымъ днемъ. Ясно было, что вся родня наслаждалась мученіями моей жены.

Я все это замѣчалъ и едва могъ контролировать себя, чтобы воздержаться отъ шага, на который я не рѣшался въ спокойную минуту.

Царь плачетъ вмѣстѣ съ царицей.

Доходило до того, что жена моя много разъ уходила въ свою комнату и плакала тамъ, какъ ребенокъ.

Однажды она бросилась мнѣ на шею и горько расплакалась. Я тогда ее такъ жалѣлъ, что у меня у самого слезы навернулись на глаза.

Интриги же моей матери не прекращались. Я видѣлъ, что имъ конца не будетъ. Причина этому была та, что мать моя и великія князья хотѣли, чтобы я управлялъ страной такъ, какъ они желали и чтобы я не прислушивался къ чьему либо мнѣнію. Особенно они не терпѣли, когда я говорилъ о государственныхъ дѣлахъ съ моей женой

Въ этой борьбѣ, о которой русскій народъ не зналъ, я съ женой терпѣли и теряли здоровье. Въ 1899 году борьба эта еще болѣе обострилась. Въ этомъ году умеръ отъ чахотки мой братъ Георгій, наслѣдникъ престола. Тогда у меня еще не было сына. Это обстоятельство причинило моей женѣ еще больше горя.

Родня огорчала ее и ставила на видъ, почему она не рожаетъ наслѣдника. Какъ будто это было въ ея волѣ!

Мои родственники стали обсуждать вопросъ, кто долженъ стать наслѣдникомъ престола.

Братъ мой Михаилъ былъ любимцемъ всей семьи. Родня была очень лестнаго мнѣнія о немъ. Кромѣ того у нея были и другія причны, чтобъ Михаилъ сталъ наслѣдникомъ... Нѣсколько разъ ко мнѣ приходили мои дяди, великіе князья Павелъ и Николай, и оффиціально и серьезно предлагали мнѣ назначить Михаила наслѣдникомъ престола.

Моя родня открыто заявила, что въ виду того, что я не имѣю наслѣдника, вполнѣ естественно назначить Михаила законнымъ наслѣдникомъ русскаго престола.

Къ чести великаго князя Михаила я долженъ, однако, замѣтить, что онъ лично не принималъ никакого участія въ этихъ интригахъ.

Это фактъ. Я увѣренъ, что все дѣлалось безъ его согласія и даже безъ его вѣдома.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мои родные доводили меня

до такого состоянія, что я грозилъ имъ арестомъ и тюрьмой, если они будутъ продолжать свою зловредную политику.

Царица опасалась, что царя убьютъ.

Моя жена была въ смертельномъ ужасѣ отъ ихъ поведенія. Она боялась за меня, полагая, что мои родственники постараются убрать меня съ ихъ пути. Ей снились страшные сны, что меня хотятъ убить. Она всегда опасалась, что мои дяди и двоюродные братья убьютъ меня, а затѣмъ повѣдаютъ всему міру, что я умеръ естественной смертью.

Впослѣдствіи она думала, что родные не осмѣлятся рѣшиться на такой шагъ, а просто свергнутъ меня съ трона, объявивъ меня физически больнымъ или сумасшедшимъ.

Въ иностранныхъ газетахъ стали появляться статьи за статьями обо мнѣ. Въ нихъ говорилось о моей серьезной болѣзни. Въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ говорилось, что мое умственное состояніе ужасно и что знаменитые спеціалисты по нервнымъ болѣзнямъ признали у меня неизлѣчимую психическую болѣзнь.

Вполнѣ понятно, что всѣ эти сообщенія, съ начала до конца были ложны. Они были инспирированы извѣстными членами моей родни.

Фактъ таковъ, что въ самой Россіи распространялись обо мнѣ самые нелѣпые слухи и что источникомъ ихъ служили мои же родные. И все это вліяло на мою жену.

Придворные скандалы, оскорбленія, боязнь, что родные убьютъ меня изъ за политическихъ мотивовъ, и опасеніе, что тронъ унаслѣдуетъ чужой человѣкъ, до того повліяли на мою жену, что она серьезно заболѣла.

Въ Россіи нѣтъ ни одного человѣка, котораго можно любить и которому можно довѣриться—говорила царица.

Постепенно Александра Федоровна стала ненавидѣть мою семью и съ теченіемъ времени **стала врагомъ всего русскаго народа.** Это вполнѣ естественно, если понять психологическое состояніе моей жены.

Она приложила всѣ возможныя для человѣка усилія, чтобы къ ней относились какъ къ равной, но ее продолжали преслѣдовать и оскорблять. Съ своей стороны, она никого изъ моей родни никогда не обижала.

Позже ея ненависть пріобрѣла форму болѣзни. Она неоднократно и откровенно говорила мнѣ, что въ Россіи нѣтъ ни одного человѣка, котораго можно любить и которому можно довѣриться. Иногда ея болѣзнь доходила до такого состояніи, что она часами лежала въ постели и стонала отъ боли.

Кто можетъ отрицать и кто можетъ меня обвинять за то, что я благословлялъ тотъ часъ, когда я подписалъ актъ отреченія отъ трона — должности, которая причиняла мнѣ только горе и страданія, довела мою жену до неуравновѣшенности и не принесла никакой пользы народу?

Между прочимъ, нѣкоторые обвиняли ее въ англоманствѣ, въ то время, какъ другіе утверждали, что царица работаетъ только въ пользу Германіи. Враги указывали, что въ жилахъ моей жены много нѣмецкой крови, и поэтому она не можетъ быть вѣрна русскимъ традиціямъ и русскому народу.

Такова исторія объ отношеніи моей жены къ Россіи.

Къ этому я могу только прибавить слѣдующую истину: жена моя желала видѣть Россію счастливой и довольной. Однако ей мѣшали на каждомъ шагу. Она была окружена злѣйшими врагами, которые причиняли ей много зла.

Однажды моя жена предложила мнѣ отказаться отъ трона и уѣхать въ другую страну. Это предложеніе совпало съ періодомъ, когда она должна была родить наслѣдника.

Въ другой разъ она опять предложила мнѣ оставить тронъ и поселиться частнымъ образомъ въ Ливадіи.

Александра Феодоровна просила очень убѣдительно, но я отказался это сдѣлать. Теперь я глубоко сожалѣю, что я не согласился на ея заманчивое предложеніе. Мнѣ не пришлось бы теперь быть въ заточеніи и страдать отъ тоски и мученій.

Покончивъ съ фактами, вызвавшими обоюдную непріязнь между русскимъ народомъ и моей женой, я вернусь къ дальнѣйшему изложенію фактовъ общаго политическаго и историческаго значенія въ связи съ моимъ отреченіемъ отъ престола.

* *

*

Въ началѣ февраля 1917-го года враждебность народа къ моему правительству стала выражаться очень сильно. Я въ то время усердно молился Богу, прося Его ниспослать мнѣ достаточно мудрости, чтобы спасти мою страну отъ угрожающей опасности. Но по всей вѣроятности на то была воля Господня. Разложеніе страны приближалось быстрыми шагами. Уходъ моего новаго министра внутреннихъ дѣлъ, господина Покровскаго, меня очень сильно огорчилъ, т. к. я уже рѣшилъ было назначить его предсѣдателемъ совѣта министровъ.

„Разведись съ женой!“

Я нѣсколько разъ посылалъ за своими дядями, умоляя ихъ помочь мнѣ совѣтомъ; но условія, которыя они для этого ставили, были слишкомъ жестоки и непріемлемы.

На одномъ лишь условіи они соглашались помочь мнѣ словомъ и дѣломъ: развестись съ женой и сослать ее на далекую окраину. Какъ могъ я согласиться на такое жестокое требованіе? Она любитъ меня и всегда была моимъ лучшимъ товарищемъ и другомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ она добровольно жила далеко отъ свѣта, чтобы дать мнѣ дѣтей и воспитала ихъ въ самомъ простомъ духѣ.

Я никогда не цѣнилъ трона такъ высоко, чтобы согласиться принести ему въ жертву любовь и преданность моей жены и дѣтей.

„Тронъ важнѣе всего на свѣтѣ", заявили мои родные, „ничего болѣе святого, высшаго и важнаго, чѣмъ корона нѣтъ. Ты долженъ сдѣлать все для спасенія трона". Я отвѣтилъ имъ презрѣніемъ.

Они указывали мнѣ на факты во всемірной исторіи, когда короли и императоры въ интересахъ трона, разводились со своими женами. То же самое они требовали и отъ меня. Но я считалъ себя ни достаточно знаменитымъ, ни достаточно великимъ, чтобы совершить такое вѣроломство. Я сожалѣю только о томъ, что не отрекся отъ престола въ началѣ февраля.

„Вся правда".

Въ концѣ февраля я отдалъ приказъ о созывѣ обоихъ законодательныхъ учрежденій въ надеждѣ найти въ рядахъ ихъ членовъ человѣка, котораго я могъ бы назначить предсѣдателемъ министровъ. До тѣхъ поръ я воздерживался отъ предложенія, которое я намѣревался сдѣлать Протопопову подать въ отставку.

Послѣдствія этого ожиданія, какъ всѣмъ извѣстно, оказались роковыми. Какъ оказалось впослѣдствіи, кризисъ въ странѣ въ это время уже сильно назрѣвалъ, а между тѣмъ рапорты Протопопова свидѣтельствовали объ обратномъ.

Когда я сходился на совѣщанія со своими министрами, было ли это въ Петроградѣ, или на фронтѣ, я требовалъ, чтобы мои помощники смотрѣли на вещи открытыми глазами и поступали соотвѣтственно требованіямъ момента.

Однажды, когда кризисъ въ странѣ достигъ уже почти своего апогея, на совѣщаніи съ полнымъ составомъ министровъ я заявилъ имъ, что желаю знать всю правду относительно положенія дѣлъ въ странѣ. Я заявилъ имъ, что въ такой моментъ преступно закрывать глаза на факты. Но правды я никогда отъ нихъ не могъ узнать.

Я не знаю точно, что именно произошло въ столицѣ между послѣдними числами февраля и тѣмъ днемъ, когда взрывъ произошелъ и народъ выступилъ на улицу, но я впослѣдствіи узналъ, что, когда рабочіе демонстрировали по улицамъ столицы и вездѣ происходили возмущенія по поводу недостатка хлѣба, Дума стала очень враждебна къ правительству, и министры отъ моего имени распустили ее.

Подложный приказъ о роспускѣ Думы.

Я никоимъ образомъ не былъ отвѣтственъ за роспускъ Думы, я никому не далъ разрѣшенія распустить ее, но тѣмъ не менѣе лидеры партій въ Думѣ, естественно, обвиняли меня въ томъ, что я бросилъ имъ вызовъ, и ихъ ненависть и нелюбовь ко мнѣ достигли крайней степени. Но нужно отмѣтить, къ чести этого учрежденія, что члены Думы категорически отказались повиноваться приказу о роспускѣ и продолжали засѣдать, игнорируя подложный приказъ, изданный моими министрами отъ моего имени.

Какъ всѣмъ извѣстно, эта самая Дума руководила затѣмъ революціей.

То были для меня мучительные дни! Каждый день я часами молилъ Бога, чтобы онъ направилъ меня по

правильному пути и далъ бы мнѣ возможность вѣрно и честно выполнить свой долгъ къ отечеству. О себѣ самомъ я не заботился нисколько. Я постоянно писалъ женѣ съ фронта, предостерегая ее не сдѣлать какого-нибудь неосторожнаго шагу. Я все боялся, какъ бы ни истолковали ложно то, что она можетъ сдѣлать, даже если ея намѣренія будутъ хорошія.

Однажды, это было въ началѣ февраля, великій князь Михаилъ извѣстилъ меня, что моя супруга вмѣшивается слишкомъ много въ дѣла правительства, говоря, что Александра Феодоровна познакомилась съ Протопоповымъ на какомъ-то собраніи въ домѣ одного придворнаго. Я былъ возмущенъ. Я отвѣтилъ ему, что моя жена не имѣетъ ничего общаго съ дѣлами правительства, и что она интересуется исключительно только военными госпиталями.

Я часто записываю въ своемъ дневникѣ подобныя происшествія, потому что мнѣ очень много разъ, и со всѣхъ сторонъ, приходилось выслушивать жалобы на мою супругу. Я допускаю теперь, и даже ясно вижу, что если-бы я строго наказалъ первое лицо, сдѣлавшее такого рода обвиненіе, то у этихъ болтливыхъ бездѣльниковъ не вошло бы въ моду пользоваться добрымъ именемъ моей жены для ихъ скверныхъ цѣлей. Но я никакъ не могъ рѣшиться принять строгія мѣры.

Однажды, въ теченіе этого трагическаго времени, я позвалъ къ себѣ Протопопова въ главный штабъ и велѣлъ ему сказать мнѣ всю правду, а также кто ему разрѣшилъ угрожать роспускомъ Думѣ, и онъ имѣлъ дерзость съ невиннымъ видомъ объяснить мнѣ, что въ конституціонной монархіи министры короны имѣютъ неограниченное право пользоваться правами и преимуществами короны.

Признаюсь, что никогда въ жизни я не былъ такъ возмущенъ. Протопоповъ, этотъ такъ называемый либералъ, подчиненный министръ, министръ внутреннихъ дѣлъ по волѣ и милости короны и подъ ея защитой, вдругъ требуетъ права оставить безъ вниманія выраженную волю его императора! Если-бы то не было въ такое критическое время, я принялъ бы все его объясненіе, какъ дерзкую шутку надо мной.

Но министръ не шутилъ; онъ говорилъ искренне, и положеніе отъ этого становилось еще хуже. Я заявилъ Протопопову съ гнѣвомъ, что когда это время настанетъ, мы оба будемъ заключены въ монастырѣ. Моя угроза или предсказаніе, теперь оправдалась.

Онъ былъ министромъ по милости трона, на который онъ опирался, и когда этотъ тронъ былъ опрокинутъ, народъ не удостоилъ его даже монастырской кельи. (Какъ извѣстно, Протопоповъ находится теперь въ тюрьмѣ).

Воззванія солдатъ вызывали слезы на его глазахъ.

Въ то же самое время я ежедневно получалъ, порою правда несвязныя, но искреннія воззванія отъ солдатскихъ делегатовъ съ фронта. Большая часть этихъ воззваній была отъ солдатъ, которые боясь, чтобы ихъ генералы не узнали о томъ, что они обращаются непосредственно ко мнѣ съ ихъ просьбами, умоляли меня уничтожить ихъ прошенія по прочтеніи.

Эти прошенія всегда почти вызывали слезы на моихъ глазахъ. Они мнѣ доказывали въ нихъ, что по крайней мѣрѣ, тысячи солдатъ считали меня своимъ другомъ и понимали, что я самъ, хотя номинально и самодержавный императоръ и повелитель надъ милліонами русскихъ людей, такъ же безсиленъ управлять событіями, какъ и они.

Они знали, что наравнѣ съ ними, я былъ похожъ на лодку, пущенную въ страшное теченіе и которая рано или поздно перевернется вверхъ дномъ и будетъ выброшена на берегъ, гдѣ и какъ судьбѣ будетъ угодно.

Въ то время я часто ѣздилъ на фронтъ въ главный штабъ. Я не такъ самоувѣренъ и не такъ глупъ, чтобы думать, что мое присутствіе на фронтѣ было очень важно съ военной точки зрѣнія, хотя я съ большимъ интересомъ слѣдилъ за всѣми движеніями войскъ. Я не былъ отвѣтственъ, однако, ни прямо, ни косвенно за пораженія, и не мнѣ принадлежала слава за побѣды. Но мое постоянное присутствіе на фронтѣ было необходимо по другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что побѣги изъ арміи были неизбѣжны, но приходилось опасаться, что эти побѣги могутъ принять эпидемическій характеръ, что грозило серьезными послѣдствіями.

Мое присутсвіе на фронтѣ также успокоительно дѣйствовала па скверныя чувства, которыя нѣкоторыя категоріи солдатъ питали къ своимъ высшимъ офицерамъ. Большое уваженіе которымъ они были проникнуты ко мнѣ, и смягчающее вліяніе, которое я оказывалъ на высшихъ командировъ, были два элемента, которые содѣйствовали, если не избѣжанію, то по крайней мѣрѣ временной отсрочкѣ открытаго возмущенія въ рядахъ арміи.

Грозныя тучи революціи надвигаются...

Перваго или второго марта меня попросили вернуться въ Петроградъ, гдѣ волненія все больше разростались.

Мои дочери умоляли меня вернуться въ Петроградъ во главѣ царской гвардіи. Онѣ боялись насилія со стороны толпы. Они предупреждали меня ежедневно въ телеграммахъ, что онѣ боятся за свою жизнь.

Моя супруга тоже обращалась ко мнѣ съ подобными же просьбами, умоляя меня вернуться въ столицу со своей гвардіей. Газеты часто говорили объ этихъ отчаянныхъ воззваніяхъ моей жены и дѣтей, какъ доказательство того, что она намѣревалась подавить революцію силою оружія.

Зная настореніе народа и понимая, что возстаніе будетъ направлено непосредственно противъ трона, моя жена и дѣти естественно были обезпокоены. Моя старшая дочь писала мнѣ, что приближаются дни французской революціи.

Но я не былъ того мнѣнія. Я зналъ, что русскій народъ вооружился не противъ меня и моей семьи, а противъ того, что я собою представлялъ исторически, но что я въ душѣ самъ ненавидѣлъ. Уже въ серединѣ 1916-го года семья моя не была спокойна и все просила меня держать въ столицѣ достаточный гарнизонъ для ея защиты. Я говорилъ и писалъ моимъ дѣтямъ очень часто, что онѣ только читали исторію французской революціи, но что они никогда не изучали ее.

Я всегда старался дать имъ понять, что народъ неспособенъ требовать крови своего монарха, даже если онъ его и не любитъ, и что онъ прибѣгнетъ къ насилію только въ томъ случаѣ, когда монархъ станетъ защищать свой тронъ, сдѣлавшійся ненавистнымъ народу.

Имѣя это въ виду, я отдалъ распоряженіе всей дворцовой гвардіи, офицерамъ и штатскимъ чиновникамъ, а также просилъ жену и дочерей не оказывать ни малѣйшаго сопротивленія делегаціямъ отъ народа или отъ Думы.

Я отдалъ также такого рода распоряженіе моей женѣ, что если толпа силою проникнетъ во дворецъ для грабежа, не прибѣгать къ вооруженной защитѣ.

Я не знаю съ какой точностью мои распоряженія были выполнены въ дни революціи, но никто не станетъ оспари-

вать тотъ фактъ, что когда представители Думы требовали входа во дворецъ, они не встрѣтили никакого вооруженнаго сопротивленія. Моя семья покорно повиновалась требованію народа.

Коварства Протопопова.

Третьяго марта я окончательно рѣшилъ отречься отъ престола и готовъ былъ послать актъ отреченія г-ну Родзянко, предсѣдателю Думы, но этому помѣшало то обстоятельство, что я былъ опять, въ послѣдній разъ, обманутъ моими министрами.

Они постоянно увѣряли меня, что возстаніе вызывается членами Двора. Это увѣреніе дѣлалось съ той цѣлью, чтобы убѣдить меня не отрекаться.

Но однажды одинъ изъ моихъ преданныхъ двоюродныхъ братьевъ извѣстилъ меня о всей правдѣ и съ самой благородной цѣлью старался познакомить меня съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Я узналъ — и на этотъ разъ это была правда, — что возстаніе (это было 5-го марта) подстрекалось моимъ правительствомъ.

Его записка извѣстила меня, что мое правительство размѣстило не меньше трехъ сотъ пулеметовъ на разстояніи половины квадратной мили, на крышахъ домовъ, отелей, на зданіи Адмиралтейства и тюрьмы, и что было нанято 6000 новыхъ полицейскихъ агентовъ, задача которыхъ состояла въ томъ, чтобы провокаціоннымъ образомъ вызвать несвоевременное народное возстаніе и затѣмъ затопить его въ крови.

Мой двоюродный братъ также сильно намекалъ на то, что правительство имѣло еще болѣе гнусную цѣль въ виду, желая вызвать возстаніе такого рода. Воспользовавшись этимъ возстаніемъ, тѣ члены моего правительства, которые еще раньше питали симпатіи къ нашимъ внѣшнимъ вра-

гамъ, намѣревались потомъ найти способъ забрать во внутрь страны большую часть арміи съ фронта, для подавленія возстанія, и, когда нашъ фронтъ, такимъ образомъ ослабнетъ, впустить нѣмцевъ въ страну и заключить съ ними позорный для Россіи миръ.

Я дрожалъ отъ этой мысли.

Я вполнѣ допускалъ, что мое правительство можетъ подготовить и вызвать безпорядки для того, чтобы имѣть поводъ прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ, создать режимъ террора и постараться, такимъ образомъ, удержать народъ въ страхѣ, но я никогда не допускалъ мысли, что оно способно прибѣгнуть къ такому предательству.

Лишь седьмого или восьмого марта я получилъ извѣщеніе отъ моей супруги о томъ, что только военный диктаторъ способенъ спасти государственный строй, который въ противномъ случаѣ падетъ.

9-го, 10-го и 11-го марта я настойчиво приказывалъ моему правительству подать въ отставку, вручивъ свои отставки Думѣ, которая отказалась разойтись. Мои приказанія не были исполнены. Я надѣюсь, что когда наступитъ время понести отвѣтственность, виновные будутъ найдены.

Тринадцатаго марта я назначилъ генерала Иванова военнымъ диктаторомъ, поручивъ ему взять положеніе въ свои руки и, по возстановленіи порядка въ столицѣ, созвать Государственную Думу и подготовить мое возвращеніе въ Петроградъ. Въ этомъ случаѣ я имѣлъ въ виду прочесть передъ народными представителями актъ моего отреченія отъ престола и возложить на нихъ всю отвѣтственность предложеніемъ избрать изъ своей среды предсѣдателя совѣта министровъ, который бы пользовался довѣріемъ широкихъ народныхъ массъ.

Но событія въ столицѣ шли слишкомъ быстрымъ темпомъ. Уже было поздно. Генералъ Ивановъ оказался уже

не въ состояніи даже добраться до столицы. Единственно, что мнѣ оставалось сдѣлать, такъ это приказать генераламъ, чтобы они позволили пріѣхать въ Главный Штабъ всякой делегаціи, которую Дума могла бы пожелать прислать.

Пятнадцатого марта, около часу дня, генералъ Рузскій извѣстилъ меня, что думская делегація, состоящая изъ двухъ членовъ, должна скоро пріѣхать на фронтъ съ цѣлью предложить мнѣ подписать актъ отреченія отъ русскаго престола, приготовленный Думой.

Я повелѣлъ генералу Рузскому облегчить проѣздъ думской делегаціи въ Псковъ, гдѣ въ это время находился Главный Штабъ, а самъ принялся внимательно пересматривать актъ отреченія, который я самъ приготовилъ раньше.

Я рѣшилъ принять думскую делегацію въ вагонѣ царскаго поѣзда. Принимая это рѣшеніе, я имѣлъ въ виду находится близко къ делегатамъ во время ихъ прибытія на Псковскій вокзалъ и встрѣтиться съ ними раньше, чѣмъ кто либо изъ генераловъ узналъ бы объ ихъ прибытіи. Я боялся, чтобы нѣкоторые офицеры, преданные мнѣ лично, не сдѣлали попытки воспрепятствовать совершенію этого акта. Я зналъ, что когда актъ отреченія будетъ свершившимся фактомъ, каждый русскій патріотъ приметъ его спокойно.

Въ ожиданіи думской делегаціи.

Несмотря на то, что моя личная свита неоднократно настойчиво совѣтовала мнѣ удалиться до прибытія делегаціи, я рѣшилъ ждать ея пріѣзда.

Въ 10 часовъ ночи меня предупредили, что поѣздъ, на которомъ находились делегаты, приближается къ станціи. Я тотчасъ-же приказалъ графу Фредериксу послать офи-

цера къ поѣзду и сопровождать делегацію къ моему вагону.

Мои нервы были страшно напряжены, и я хотѣлъ пройти возможно скорѣе черезъ это испытаніе. Я чувствовалъ, что если эта мучительная напряженность продлится еще часъ или два, я не выдержу. Нервная напряженность, которая душила меня въ теченіе послѣднихъ почти двухъ недѣль, готова была прорваться наружу.

Оставивъ графа Фредерикса для пріема делегаціи, какъ разъ нѣсколько минутъ до 10-ти часовъ, я ушелъ въ мой спальный вагонъ въ концѣ поѣзда молить Бога сниспослать мнѣ достаточно силъ, чтобы я могъ выстоять испытаніе, какъ подобаетъ хорошему русскому гражданину.

Встрѣча думской делегаціи съ царемъ.

Когда я вернулся въ вагонъ, нѣсколько минутъ послѣ десяти часовъ, я тамъ засталъ господина Шульгина, г-на Гучкова, графа Фредерикса и другого генерала — адъютанта.

Моя боязнь встрѣтиться съ этими двумя представителями народа была вызвана тѣмъ, что я думалъ, что они въ жестокихъ выраженіяхъ станутъ упрекать меня въ томъ, что я привелъ страну къ такому ужасному положенію.

Но когда я вошелъ въ вагонъ и увидѣлъ лица этихъ двухъ господъ, я почувствовалъ, что мнѣ нечего бояться. Я вдругъ почувствовалъ себя бодрымъ и сильнымъ. Я замѣтилъ, что у нихъ усталыя лица, что ихъ одежда была почти грязная отъ пыли, и что они тоже повидимому находятся подъ сильнымъ душевнымъ напряженіемъ. Для меня стало совершенно ясно, что они не были мстительно настроены, и я свободно вздохнулъ.

Когда я поздровался съ ними, я замѣтилъ, что они дѣлали большія усилия подавить свои волненія. Я попро-

силъ делегатовъ усѣсться за маленькимъ столикомъ, который стоялъ среди вагона. Г-нъ Гучковъ сѣлъ рядомъ со мной, г-ну Шульгину я указалъ мѣсто напротивъ, а мой адъютантъ сѣлъ недалеко отъ входа. Я хотѣлъ, чтобы генералъ Рузскій присутствовалъ, и хотѣлъ уже послать за нимъ графа Фредерикса, когда вдругъ онъ самъ явился.

Въ теченіе минуты или двухъ никто не сказалъ ни слова, и это молчаніе стало сильно тяготить меня. Я хотѣлъ заговорить, но чувствовалъ, что я не въ состояніи сказать ни слова... Наконецъ я выговорилъ:

„Господа, я готовъ выслушать посланіе Думы".

Мнѣ хотѣлось, чтобы Шульгинъ заговорилъ первый, т. к. мнѣ казалось, что онъ болѣе мягокъ въ выраженіяхъ и болѣе разсудителенъ. Я почему то думалъ, что Гучковъ болѣе рѣзокъ и болѣе горячъ. Но Гучковъ заговорилъ первый.

Я не помню его вступительной фразы, но онъ говорилъ мягко, и это меня окончательно успокоило. Когда я поднялъ глаза, чтобы посмотрѣть Гучкову въ лицо, я замѣтилъ, что онъ говорилъ съ опущенными на столъ глазами, положивъ правую руку на столъ. Я былъ радъ, что они также оказались не больше какъ человѣческія созданія, борящіяся съ задачами, которыя всѣхъ насъ вертятъ, какъ въ водоворотѣ.

Гучковъ говорилъ долго, и мое уваженіе къ его благородству возросло, когда я замѣтилъ, что онъ ни однимъ словомъ не намекнулъ на прошлое... И какъ я потомъ сожалѣлъ о томъ, что обвинялъ его въ недостаткѣ любезности! Онъ говорилъ только о настящемъ положеніи вещей, указывая на то, какая катастрофа ожидаетъ нашу страну, если не произойдетъ немедленной перемѣны въ политическомъ строѣ.

Наконецъ, онъ заявилъ, что Государственная Дума

считаетъ благоразумнымъ, чтобы я отрекся отъ престола въ пользу моего сына Алексѣя, и прибавилъ съ нѣкоторой робкостью, что регентство будетъ предложено великому князу Михаилу.

Гучковъ все еще продолжаъ говорить а я и не думалъ его прерывать, когда генералъ Рузскій наклонился къ нему и сказалъ ему тихо, что вопросъ о моемъ отреченіи въ пользу моего сына уже рѣшенъ.

Но послѣ этого рѣшенія я много думалъ надъ этимъ вопросомъ и рѣшилъ, что ни я, ни моя супруга не сможемъ выдержать той разлуки, съ нашимъ любимымъ сыновъ, которую намъ предлагами. Я никакъ не могъ примириться съ мыслью, что мы должны разстаться съ нимъ. Да и, кромѣ того, какое право я имѣю рѣшить вопросъ, который касается счастья его матери и сестеръ?

Царь не можетъ разстаться съ сыномъ.

Я объяснилъ делегатамъ, что чувства привязанности отца, матери и сестеръ мѣшаютъ мнѣ согласиться на ихъ предложеніе. Я просилъ ихъ измѣнить, если возможно, наказъ Думы, и не разлучать меня съ сыномъ, но въ то же время я былъ совершенно готовъ пожертвовать моимъ сыномъ, если бы Дума настояла на этомъ.

Еще и теперь я не могу удержаться отъ слезъ, когда вспоминаю, какъ оба, Гучковъ и Шульгинъ, поняли меня и согласились со мной. Въ то же время они заявили, что они не были подготовлены къ новому положенію дѣла, и просили разрѣшенія удалиться для обсужденія его.

Минутъ черезъ пятнадцать графъ Фредериксъ извѣстилъ меня, что делегаты готовы видѣть меня. Ихъ попросили обратно въ вагонъ, и они извѣстили меня, что могутъ взять на себя отвѣтственность предъ Думой за принятіе отреченія въ измѣненной формѣ.

Гучковъ заявилъ мнѣ, что Дума лишь предусмотрѣла принципъ моего отреченія, и что делегація полагаетъ, что Государственная Дума не станетъ навязывать мнѣ своей воли, когда дѣло касается отеческихъ чувствъ. Делегаты также согласились съ моей точкой зрѣнія, что принудительное отдѣленіе моего сына отъ его матери и сестеръ вызвало бы въ немъ раздраженность противъ Думы, и по достиженіи зрѣлаго возраста это чувство къ народу мѣшало бы существованію согласія между будущимъ монархомъ и его подданными, которое, наоборотъ, необходимо развить.

Они также согласились со мной, что съ точки зрѣнія закона было бы невозможно для регента принять корону для передачи ее впослѣдствіи моему мыну и отъ его же имени принять присягу въ вѣрности предполагаемой конституціи. Они это, очевидно, раньше забыли принять во вниманіе. Въ этихъ условіяхъ делегація согласилась принять мое отреченіе въ пользу великаго князя Михаила Александровича.

Текстъ отреченія былъ измѣненъ.

Послѣ этого я снова ушелъ въ мое купэ и еще разъ просмотрѣлъ манифестъ объ отреченіи, который я раньше составилъ, и вернулся къ делегатамъ съ двумя готовыми экземплярами, написанными на машинкѣ.

Я вручилъ одинъ экземпляръ делегатамъ и попросилъ ихъ провѣрить его съ тѣмъ, который я буду читать. Когда я кончилъ, делегаты сдѣлали лишь одну поправку, а именно, въ концѣ фразы: „мы завѣщаемъ брату нашему дѣла государства въ полномъ и ненарушимомъ согласіи съ выбранными представителями отъ всего народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на основахъ, которыя будутъ опредѣлены позже національнымъ собраніемъ", они предложили прибавить „и принять въ семъ присягу публично".

Въ свою очередь, я предложилъ, чтобы поправочная фраза, вмѣсто „и принять въ семъ присягу публично“ гласила „и принять ненарушимую присягу“.

Когда редакція этой фразы въ такомъ видѣ была принята, я приказалъ напечатать три экземпляра, подписалъ ихъ и предложилъ то же самое сдѣлать графу Фредриксу. Одинъ экземпляръ былъ врученъ делегатамъ, другой генералу Рузскому, а третій я оставилъ у себя.

Было уже около полуночи.

Пожавъ другъ другу руки, мы распрощались и разстались хорошими друзьями.

Я почувствовалъ, какъ огромная тяжесть спала съ моихъ плечъ.

Когда комиссія Государственной Думы, получивъ актъ моего отреченія отъ престола, оставила мое купэ, со всѣми признаками дружелюбнаго отношенія ко мнѣ лично, было уже далеко за полночь.

Генералъ Рузскій и мой преданный графъ Фредериксъ были глубоко потрясены случившимся и просили разрѣшенія остаться со мной на нѣкотрое время, но я попросилъ ихъ оставить меня одного, такъ какъ я чувствовалъ сильное желаніе остаться наединѣ и предаться молитвѣ.

Бывшій царь — въ молитвѣ.

Сначала я горячо молилъ Бога, чтобы родина моя избѣгла междуусобной войны. Я боялся, что русскій народъ, непривыкшій къ демократическимъ формамъ правленія, не сможетъ наладить госудраственную жизнь страны на новыхъ началахъ. Я молилъ Бога дать Россіи умнаго и честнаго вождя, который бы вывелъ ее на правильный путь.

Я также молилъ Бога за цѣлость и невредимость моей жены и дѣтей. Зная про глубокую ненависть, которую питалъ мой братъ Михаилъ къ моей женѣ, я боялся, что въ вступленіемъ его на престолъ онъ прикажетъ мнѣ разлучиться съ моей любимой женой и дорогими дѣтьми. Случись это, упаси Господи, я бы навѣрно не могъ протянуть и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Я бы умеръ отъ тоски и разлуки.

До 3-хъ часовъ утра, въ мучительной думѣ объ этомъ, я теребилъ свои мозги, пока не превратилъ ихъ въ безформенную кучу руинъ.

Черезъ непроницаемый покровъ будущаго проскальзывалъ лишь одинъ ясный лучъ надежды, и какъ бы это ни казалось страннымъ, этотъ лучъ исходилъ именно оттуда, откуда я его меньше всего долженъ былъ ждать. Этотъ свѣтлый лучъ надежды на человѣческую справедливость ко мнѣ и моему семейству, мнѣ казалось, исходитъ именно изъ среды тѣхъ слоевъ русскаго народа, которые все время открыто боролись съ самодержавнымъ режимомъ — отъ революціонныхъ и радикальныхъ элементовъ страны. Имъ я готовъ былъ спокойно вручить мою судьбу и судьбу моего дорогого семейства. И я не ошибся въ своемъ предчувствіи.

Единственнымъ моимъ желаніемъ въ ту минуту было— вернутъся какъ можно скорѣе къ своей семьѣ.

Графъ Фредериксъ вошелъ въ мое купэ и сталъ настаивать, чтобы я легъ спать. Онъ передалъ мнѣ, что моя жена и дѣти находятся въ безопасности, и что страна понемногу начинаетъ успокаиваться. Это радостное сообщеніе вернуло мнѣ бодрость; я былъ счастливъ узнать, что моя семья въ безопасности. Графъ Фредериксъ мнѣ также передалъ, что онъ только-что получилъ извѣстіе изъ Петрограда, что семья моя находится во дворцѣ подъ охраной революціонныхъ солдатъ и что она останется тамъ до тѣхъ

поръ пока Государственная Дума не рѣшитъ вопроса, какъ поступить съ ними.

Впродолженіи почти 48 часовъ я совершенно не спалъ; а за послѣдніе 3-4 недѣли я въ среднемъ спалъ не болѣе трехъ часовъ въ сутки. Я насилу добрался до моего спальнаго вагона и, бросившись на кровать, моментально уснулъ, забывъ даже предварительно снять свои сапоги.

Попытка захватить актъ отреченія.

Несмотря на это, я вскорѣ былъ разбуженъ графомъ Фредериксомъ, который былъ страшно взволнованъ. На мой вопросъ: „что случилось?" онъ мнѣ передалъ, что только-что получилъ извѣстіе о томъ, что неизвѣстными было сдѣлано нападеніе на Думскую Комиссію, везшую актъ отреченія въ Петроградъ, и что удалась-ли эта попытка, онъ еще не знаетъ.

Я сейчасъ же досталъ оставшуюся у меня копію акта, и велѣлъ немедленно протелеграфировать Государственной Думѣ текстъ отреченія.

Молніей пронеслась въ моей головѣ мысль, что попытка завладѣть актомъ отреченія была сдѣлана моими родственниками, противящимися моему отреченію въ пользу Михаила. Я былъ увѣренъ, однако, что разъ народъ ознакомится съ актомъ отреченія, онъ его приметъ, и всякія интриги и преступныя попытки со стороны моей родни вернуться къ власти будутъ безполезны.

Царь снимаетъ съ своей груди императорскія ордена и регаліи.

Послѣ завтрака я попросилъ графа Фредерикса снестись съ представителями Новаго Временнаго Правитель-

ства и испросить разрѣшенія для меня посѣтить Главный Генеральный Штабъ съ цѣлью попрощаться съ командирами и младшими офицерами Главнаго Штаба.

Я былъ очень благодаренъ, получивъ немедленно просимое разрѣшеніе.

Я не былъ болѣе Императоромъ Всероссійскимъ! Снявъ съ своей груди всѣ императорскія ордена и регаліи, я смѣнилъ царскій костюмъ на форму кавказскаго капитана — мой самый любимый костюмъ — и готовъ былъ уже отправиться въ путь, но вдругъ я вспомнилъ, что передъ отъѣздомъ мнѣ бы нужно приготовить наказъ, который мнѣ хотѣлось завѣщать моему преемнику.

* *
*

16-го марта, въ 9 час. вечера, мой поѣздъ подкатилъ къ станціи, гдѣ находился Главный Штабъ. Была холодная, морозная ночь. Хлопья пушистаго снѣга медленно падали съ ясныхъ небесъ, и исчезали на ослѣпительно-бѣломъ коврѣ, покрывавшемъ поля на необъятныя дали... Никогда раньше эти падающія и быстро исчезающія снѣжинки не останавливали моего вниманія. Но въ эту ночь онѣ наводили на меня грустныя думы. Я въ нихъ видѣлъ ироническій намекъ на то, что и я, собственно, подобенъ имъ... Я медленно падаю съ своей высоты и скоро вѣроятно исчезну въ общемъ водоворотѣ жизни, какъ одна изъ этихъ снѣжинокъ... Мнѣ сдѣлалось грустно.

У дверей моего купэ я былъ встрѣченъ группой великихъ князей. Несмотря на то, что я радъ былъ ихъ видѣть, они меня, однако, мало интересовали. Я пріѣхалъ съ цѣлью проститься съ моимъ вѣрнымъ и любимымъ Генеральнымъ Штабомъ.

Бывшій царь прощается съ арміей.

На платформѣ вагона я встрѣтилъ моего вѣрнаго друга, главнокомандующаго генерала Алексѣева. Сопровождаемый своей свитой я сошелъ на платформу вокзала, гдѣ выстроившись въ одну шеренгу, ждали меня всѣ генералы и полковники Главнаго Штаба.

Они пришли, по собственному желанію, поздороваться со мной, возможно, въ послѣдній разъ. Это не была оффиціальная встрѣча царя. Если бы ихъ не влекла личная преданность и любовь ко мнѣ, они могли бы и не притти. Но они пришли... Они были мнѣ вѣрны въ эту минуту моего безграничнаго горя.

Я поздоровался съ ними, съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности (ихъ было всего около 70 человѣкъ). Я зналъ ихъ всѣхъ, каждаго по фамиліи, за исключеніемъ одного офицера, командовавшаго ими. Этотъ офицеръ былъ представителемъ Новаго Временнаго Правительства. Я его никогда раньше не встрѣчалъ.

„Какъ Ваше имя?“ — спросилъ я его, протягивая ему руку.

Офицеръ очевидно смутился; не отвѣчая на мой вопросъ, онъ смотрѣлъ на меня большими глазами. Голосъ изъ шеренги отвѣтилъ за него: „Капитанъ Когениковъ!“

„Вы очевидно лишь недавно были назначены; я Васъ никогда кажется раньше не встрѣчалъ“ — я замѣтилъ, пожимая ему руку.

„Я пріѣхалъ изъ столицы, Ваше Величество“ — послѣдовалъ отвѣтъ.

Онъ былъ изящный на видъ человѣкъ, и по ярко-красному бантику на его петлицѣ я понялъ, что онъ радикалъ.

Онъ передалъ мнѣ, что имѣетъ приказъ изъ Петрогра-

да сопровождать меня на моемъ пути въ столицу. Я сразу выразилъ готовность предоставить себя всецѣло въ его распоряженіе. Но онъ отвѣтилъ, что ему приказано не стѣснять меня, а лишь сопровождать.

„Ваше Величество вполнѣ свободны оставаться извѣстное время въ Ставкѣ, если того пожелаете. Мнѣ поручено охранять, а не везти Васъ" — капитанъ Когениковъ замѣтилъ успокаивающимъ, любезнымъ тономъ.

Я желаю, чтобы каждый русскій зналъ, что мое прощаніе съ офицерами Генеральнаго Штаба было самое дружеское и интимное.

Генералы плачутъ при прощаніи съ царемъ.

Внѣшне, мнѣ казалось, я былъ почти спокоенъ, но внутри себя я чувствовалъ какое-то незнакомое мнѣ тяжелое ощущеніе. Съ одной стороны я былъ радъ освободиться отъ тяжелой государственной отвѣтственности, а съ другой — мнѣ было больно и обидно. Испытанія, которыя мнѣ пришлось пережить въ послѣднія нѣсколько недѣль, какъ видно, оставили глубокія черты на моемъ лицѣ, ибо, переходя отъ одного офицера къ другому и пожимая имъ руки, я замѣтилъ, какъ они послѣ взора, брошеннаго на меня, переглядывались между собой и крупныя слезы навертывались въ ихъ глазахъ...

Я понялъ, что это очевидно выраженіе моего лица, измученнаго и покрытаго глубокими морщинами, вызываетъ жалость въ душахъ этихъ безстрашныхъ и закаленныхъ въ бою воиновъ. Я дѣлалъ страшныя усилія сохранить внѣшнее спокойствіе и подавить въ себѣ порывъ чувствъ, который въ любую минуту готовъ былъ прорваться наружу.

Добравшись до своего вагона я далъ полную волю своимъ чувствамъ... Единственною мыслью, которая въ

этотъ моментъ больше всего жгла мой мозгъ, была мысль: ,,Почему я не родился обыкновеннымъ смертнымъ, мнѣ бы тогда не пришлось подвергаться такой агоніи".

* *

*

Рано утромъ, на слѣдующій день, два офицера въ сопровожденіи моего адъютанта вошли въ мой вагонъ и попросили интервью со мной. Это были бывшіе русскіе генералы, плѣненные нѣмцами, а затѣмъ, 4-го марта, освобожденные ими и отправленные обратно въ Россію. Ихъ миссія въ Россіи сотояла въ томъ, чтобы работать рука-объ-руку съ моими врагами противъ Россіи.

Я, конечно, съ презрѣніемъ отказался отъ ихъ предательскаго предложенія, и раньше чѣмъ я успѣлъ позвать свою стражу чтобы ихъ арестовать — они поспѣшили скрыться. Я приказалъ своему адъютанту немедленно донести о происшедшемъ капитану Когеникову.

Во время моего завтрака случился инцидентъ, который я хочу отмѣтить въ назиданіе будущимъ историкамъ Россіи.

* *

*

Я только-что было усѣлся за столъ, когда услышалъ шумъ и гулъ голосовъ. Я скоро убѣдился, что большая толпа народа находится невдалекѣ отъ моего вагона. Я сталъ внимательно прислушиваться, стараясь уловить хоть нѣсколько словъ, но шумъ былъ такъ великъ, что отдѣльныхъ словъ нельзя было разслышать. Я рѣшилъ было продолжать свой завтракъ, когда шумъ вдругъ сталъ усиливаться.

Я сталъ подозрѣвать, что толпа снаружи недружелюбно настроена противъ меня; я поспѣшилъ оставить столовую и направился въ другой конецъ вагона. Шторы на окнахъ

вагона были опущены и нельзя было видѣть, что снаружи происходило.

Толпа пытается расправиться съ бывшимъ царемъ.

Я продолжалъ слышать угрожающіе возгласы и угрозы, направлявшіеся по чьему-то адресу. Возгласы эти съ каждой минутой раздавались все ближе и ближе, пока ихъ гулъ сталъ раздаваться съ обѣихъ сторонъ вагона.

Вбѣжавшій въ мой вагонъ адъютантъ доложилъ мнѣ, что возлѣ вагона собралась громадная толпа враждебно настроенныхъ солдатъ. Онъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, что капитанъ охраны будетъ въ состояніи защитить меня.

Я ему приказалъ не предпринимать ничего такого, что могло бы показаться недостаткомъ довѣрія съ нашей стороны въ авторитетъ и мощь Новаго Правительства, подъ покровительствомъ котораго мы уже въ то время находились.

Я предложилъ адъютанту выйти на площадку вагона и объявить собравшейся снаружи толпѣ, что если они желаютъ говорить къ Николаю Романову, онъ выйдетъ къ нимъ и готовъ ихъ слушать, и если среди нихъ находится кто-либо, облеченный полномочіями Новаго Правительства, онъ готовъ безпрекословно подчиниться всякому распоряженію его.

Толпа издѣвается.

Появленіе моего адъютанта на площадкѣ и попытка его говорить, была встрѣчена насмѣшками, руганью и угрозами со стороны толпы. Затѣмъ начали раздаваться голоса: „Дайте ему говорить, дайте ему говорить !“ Шумъ понемногу утихъ, и адъютантъ передалъ имъ мои слова.

Краткая рѣчь моего адъютанта вызвала новый взрывъ негодованія и ругани.

Вслѣдъ за этимъ я услышалъ громкій голосъ выдѣлявшійся изъ общаго гула толпы. Кто-то очевидно пытался говорить. Постепенно шумъ сталъ стихать и голосъ говорившаго къ толпѣ, полный и звучный, казалось, могъ быть услышанъ въ небесахъ.

Я лихорадочно прислушивался къ этому голосу, исходившему, казалось, изъ высоты небесъ. Этотъ голосъ и по сіе еще время отзывается пріятнымъ эхомъ въ моей памяти.

„Друзья!“ — говорилъ голосъ — „къ чему Вамъ мучить бѣдное человѣческое существо? Мы открыли тюрьмы, каторги и ссылки! Мы освободили воровъ, разбойниковъ и грабителей. Мы простили сыну, заколовшему своего отца, и человѣку, задушившему свою родную мать! Почему мы такъ поступили? Потому, друзья, что мы вѣримъ, что не они одни были виноваты въ ихъ преступленіяхъ, а больше всего система правленія, которая воспитала ихъ преступниками. Почему же мы должны отказать этому человѣку въ милосердіи и прощеніи, которое мы дали человѣку, убившему своего родного брата?“

Моя дорогая Россія! Истинный духъ моего народа наконецъ заговорилъ въ тебѣ! Слезы умиленія медленно скатывались по моимъ морщинистымъ щекамъ...

Николай Романовъ въ слезахъ.

Я не могъ дольше сдерживать свои напряженныя нервы, и далъ волю своимъ чувствамъ... Я горько плакалъ.

Толпа снаружи, очевидно, разошлась и ея шума не слышно было больше.

Когда я устроюсь на своемъ новомъ мѣстѣ жительства, которое мнѣ будетъ указано Новымъ Народнымъ Прави-

тельствомъ, я сдѣлаю попытку этотъ русскій духъ, выраженный въ словахъ только-что обращавшагося къ толпѣ неизвѣстнаго мнѣ оратора, этотъ истинно-русскій духъ я постараюсь увѣковѣчить въ гимнѣ, который я посвящу „Будущей Россіи". (Бывшій царь говорятъ большой любитель музыки, и обладаетъ хорошимъ теноромъ).

Послѣ завтрака я отправился къ дому, который служилъ мѣстомъ моей резиденціи во время моего пребыванія въ ставкѣ.

Затѣмъ, позднѣе, я сдѣлалъ прогулку по городу въ открытомъ экипажѣ, въ сопровожденіи моей матери. И какъ это было пріятно быть привѣтствуемымъ простымъ обывателемъ и порою милыми старушками по морщинистымъ, старческимъ щекамъ которыхъ, при видѣ меня, скатывались слезинки... Встрѣчавшіеся на улицахъ солдаты отдавали честь. На этотъ разъ это отданіе чести не носило больше казеннаго, оффиціальнаго характера, а было добровольнымъ выраженіемъ уваженія съ ихъ стороны.

Подъ вечеръ я опять проѣзжалъ по улицамъ города и съ удивленіемъ обозрѣвалъ несмѣтное количество красныхъ флаговъ, развѣвавшихся изъ оконъ и крышъ домовъ. Проѣзжая подъ однимъ изъ такихъ большихъ флаговъ, я отдалъ честь, какъ бывало всегда дѣлалъ по отношенію къ національному флагу, и былъ пораженъ внезапнымъ взрывомъ апплодисментовъ, раздавшихся со стороны собравшагося на улицѣ народа.

Я спросилъ капитана Когеникова, представлявшаго Новое Правительство въ сношеніяхъ со мной, не найдетъ ли онъ возможнымъ продлить мое пребываніе въ Ставкѣ еще на нѣкоторое время. Онъ опять былъ очень любезенъ, заявивъ, что ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я оставался въ городѣ еще нѣсколько дней. Моей матери онъ также разрѣшилъ остаться на это время со мной.

Никогда въ своей жизни я не имѣлъ такого удовольствія отъ своихъ автомобильныхъ прогулокъ, какъ въ эти нѣсколько дней. Проѣзжая по улицамъ этого небольшого города я встрѣчалъ только добродушное и любезное отношеніе къ себѣ со стороны горожанъ. Никакой непріязни или вражды больше не чувствовалось. Я былъ счастливъ отмѣтить фактъ, что русскій народъ былъ справедливъ и любезенъ по отношенію къ его бывшему царю.

„Товарищу Николаю Романову".

Однажды, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней моего пребыванія въ Ставкѣ, во время моей прогулки въ сопровожденіи моей матери, Маріи Өеодоровны, я замѣтилъ на одной изъ улицъ молодую крестьянскую дѣвушку, бѣжавшую по направленію къ моему автомобилю. Я приказалъ шоферу остановиться. Дѣвушка была лѣтъ 16-18 и держала въ своей рукѣ большой букетъ цвѣтовъ. Она ловко вскочила на боковую площадку автомобиля и подавая мнѣ букетъ сказала: „Товарищу Николаю Романову!" и затѣмъ добавила: „Да здравствуетъ товарищъ Николай Романовъ!".

Она была обернута въ большой красный флагъ и вся сіяла. Энтузіазмъ и благородство души дѣвушки глубоко тронули мою мать, которая быстро приподнялась со своего мѣста, схватила дѣвушку за руку и горячо прижавъ ее къ своей груди, крѣпко поцѣловала.

На слѣдующій день, въ сопровожденіи только моей матери, я отправился въ церковь къ обѣднѣ. Небольшая церковь была переполнена офицерами и солдатами. Справлявшій обѣдню священникъ, очевидно, не ждалъ меня. Я не думалъ, что своимъ появленіемъ приведу въ смущеніе служившаго священника или молившихся.

Всегда, до послѣднихъ нѣсколькихъ дней, было обыча-

емъ церкви для священника произнести первую молитву за здравіе царя, царицы, наслѣдника, всего царскаго дома и августѣйшихъ родственниковъ царя.

Вторая молитва произносилась за Святѣйшій Синодъ и преосвященныхъ; затѣмъ, въ третьей молитвѣ испрашивалось благословленіе небесъ на солдатъ и матросовъ русской арміи и флота и на всѣхъ благовѣрныхъ христіанъ. И въ концѣ, какъ всѣмъ вѣрующимъ русскимъ извѣстно, священникъ обыкновенно почти про себя молитъ всевышняго за своихъ близкихъ и дорогихъ родныхъ и знакомыхъ.

Я мысленно молилъ Бога, чтобы Онъ уразумилъ священника измѣнить содержаніе молитвъ согласно новому положенію вещей и помогъ ему достойнымъ образомъ выйти изъ неловкаго положенія.

Богъ услышалъ мою молитву.

Я надѣюсь, что русскіе историки отмѣтятъ этотъ знаменательный фактъ, дабы будущее поколѣніе знало какъ умно и достойно русскій священникъ вышелъ изъ неловкаго положенія, созданнаго присутствіемъ въ церкви бывшаго царя. Русская церковь въ тотъ день, въ лицѣ этого священника, оффиціально признала актъ моего отреченія отъ русскаго престола.

Священникъ тихо, но ясно, прознесъ слѣдующую молитву:

„Да благословитъ Господь Всевышній и Всемогучій русское государство, и да наградитъ онъ божественной мудростью тѣхъ, въ чьи руки судьбу нашу и жизнь Онъ вручилъ".

Обращаясь затѣмъ къ молящимся онъ продолжалъ:

„И да благословитъ Господь Николая Романова, Александру Θеодоровну, Марію и Алексѣя Романовыхъ".

Николай Романовъ на митингѣ офицеровъ и представителей солдатъ.

Изъ Главнаго Штаба, я получилъ разрѣшеніе отправиться къ моему семейству въ Царское Село. Передъ отъѣздомъ меня посѣтила депутація отъ офицеровъ Главнаго Штаба, которая просила меня отъ имени офицеровъ и солдатъ, сказать прощальное слово на ихъ собраніи, которое должно было состояться въ одномъ изъ городскихъ залъ.

Я никогда въ своей жизни не былъ такъ счастливъ, какъ въ этотъ моментъ. Я отвѣтилъ депутаціи, что съ величайшимъ удовольствіемъ принимаю ихъ приглашеніе, и что моментъ когда я буду среди нихъ, не какъ царь, а въ качествѣ обыкновеннаго гражданина, будетъ самымъ свѣтлымъ и счастливымъ въ моей жизни.

Было около 11 часовъ ночи, когда я вошелъ въ залу собранія. У дверей меня встрѣтили великіе князья Сергѣй, Борисъ и Александръ, которые проводили меня до эстрады. Въ залѣ находилось около 400 штабныхъ офицеровъ и свыше 150 солдатъ, представителей различныхъ солдатскихъ организацій и комитетовъ.

Не успѣлъ я поздороватьтся съ ними, какъ, выстроившись въ одну шеренгу, они стали проходить мимо меня, что дало мнѣ возможность пожать руку каждому изъ присутсвовавшихъ.

Послѣ этого я обратился съ рѣчью къ солдатамъ, одинъ изъ которыхъ отвѣтилъ мнѣ краткой рѣчью, содержаніе которой, мнѣ кажется, никогда не изгладится изъ моей памяти. Между прочимъ онъ сказалъ, приблизительно, слѣдующее:

„Товарищъ и гражданинъ Николай Романовъ! Вы собираетесь скоро покинуть насъ не какъ царь, но какъ гражданинъ и отецъ; мы все же уважаемъ, любимъ и вѣримъ

Вамъ. Въ послѣдніе дни Вашего царствованія Вы съ успѣхомъ откинули отъ себя всѣ обвиненія собранныя противъ Васъ. Въ послѣдніе нѣсколько дней Вы показались намъ въ Вашемъ истинномъ благородномъ свѣтѣ; свѣтѣ, который былъ скрытъ отъ нашего взора черной тѣнью нашего, теперь къ счастью рухнувшаго, государственнаго строя. Гражданинъ Николай Романовъ! Мы еще разъ привѣтствуемъ Васъ и желаемъ Вамъ счастливаго пути"...

Я считаю эти слова большей честью для меня, чѣмъ всѣ медали и побрякушки, которыя такъ долго украшали мою грудь.

Нѣтъ, я не былъ ненавидимъ своими подданными!

На самомъ дѣлѣ это была церемонія развѣнчиванія, но я чувствовалъ себя, какъ на празднествѣ коронованія. Слова священника въ церкви были произнесены изъ глубины сердца; солдатъ говорилъ просто, искренне и правдиво — безъ полицейскаго за его плечами.

Какой правдивый хроникеръ фактовъ станетъ послѣ этого утверждать, что я былъ ненавидимъ своими подданными? Они ненавидѣли не меня; они ненавидѣли мою корону! Они ненавидѣли только корону и тронъ, и разъ я лишенъ короны и трона — они ни въ чемъ меня больше не обвиняютъ.

Какую несправедливость народъ мой терпѣлъ, чтобы и я не страдалъ отъ нея вмѣстѣ съ ними?

Мнѣ хотѣлось отвѣтить на рѣчь солдата, но прошла минута или двѣ прежде, чѣмъ я смогъ произнести слово. Я замеръ въ какомъ-то пріятномъ экстазѣ.

Что я могъ имъ сказать? Затѣмъ, внезапно, я заговорилъ. Не помню, о чемъ именно я говорилъ. Я былъ

охваченъ высшимъ наслажденіемъ и такъ глубоко тронутъ, что почувствовалъ, какъ слезы счастья стали скатываться по моимъ щекамъ.

Я благодарилъ ихъ за ихъ искреннія слова и наказывалъ имъ, вернувшись къ своимъ товарищамъ въ бараки, передать имъ отъ моего имени, чтобы вѣрой и правдой служили они Новому Правительству и героически и самоотверженно сражались съ коварнымъ врагомъ до тѣхъ поръ, пока не прогонятъ его съ границъ святой русской земли.

„Я присутствую на похоронахъ Царя Николая II-го".

Я затѣмъ намѣревался обратиться съ рѣчью ко всѣмъ собравшимся. Но моментально мысль пронеслась въ моей головѣ, что мое положеніе на этомъ собраніи чрезвычайно оригинальное. Я собираюсь произнести свое собственное надгробное слово... Я присутствую на похоронахъ Царя Николая II-го...

Вотъ отрывокъ изъ моей рѣчи:

„Подчиняясь волѣ Бога и по своему собственному желанію, я оставляю обязанности государя, ввѣряя таковыя въ руки моего брата Михаила Александровича, и горячо молю Бога помочь ему въ его трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ служенія народу".

Моя рѣчь вдругъ была прервана звукомъ чего-то упавшаго. Молодой офицеръ Генеральнаго Штаба упалъ въ обморокъ. Мнѣ было больно почувствовать что мое положеніе предъ этими офицерами и солдатами было, очевидно, очень плачевное.

Сильный человѣкъ рѣдко бываетъ разтроганъ, развѣ только жалость или сочувствіе охватываетъ его.

Я началъ было продолжать свою рѣчь, когда второй офицеръ не выдержавъ, рухнулся на полъ.

Я шепталъ молитву, прося Бога дать мнѣ силъ выдержать до конца.

Я сдѣлалъ еще одну попытку продолжать свою рѣчь, когда изъ другого конца зала раздались истерическія вопли еще одного офицера. Его подхватили подъ-руки и увели изъ зала, опасаясь, что истерика можетъ охватить и остальныхъ офицеровъ, ибо мы всѣ глубоко чувствовали всю остроту боли разрыва нашихъ, годами установившихся, отношеній.

Богъ услышалъ мою молитву и далъ мнѣ силы закончить свою рѣчь безъ дальнѣйшихъ запинокъ.

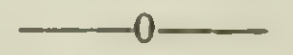
Когда я кончилъ, генералъ Алексѣевъ всталъ и отвѣтилъ на мою рѣчь въ трогательныхъ, полныхъ любви и преданности словахъ. Его рѣчь была полна глубокихъ мыслей. Ни словомъ не касаясь прошлаго, онъ рисовалъ будущую Россію великой и счастливой, гдѣ всѣ народы живутъ въ мирѣ и согласіи и гдѣ царствуетъ законность и порядокъ.

Я былъ счастливъ, когда убѣдился, что эти люди все еще любятъ меня.

Я отправился въ дорогу. Скоро я буду среди моего дорогого семейства.

Да благословитъ Господь Россію и да охранитъ Онъ ее правителей на вѣки вѣковъ!

Николай Романовъ.

Отъ Издателей.—Текстъ настоящей „Исповѣди" Николая Романова позаимствованъ нами изъ газеты „Нью-Іоркъ Американъ", по словамъ которой она была напечатана въ журналѣ Абалакскаго Монастыря, выходящемъ въ г. Тобольскѣ (гдѣ бывшій русскій царь находится въ настоящее время), и съ любезнаго разрѣшенія которой мы перевели ее на русскій языкъ.

АКТЪ ОБЪ ОТРЕЧЕНІИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го ОТЪ ПРЕСТОЛА ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО ВЪ ПОЛЬЗУ ВЕЛИКАГО КН. МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжелое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуютъ доведенія войны, во что бы то ни стало, до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша, совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали Мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть.

Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, Мы передали наслѣдіе наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго.

Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ пред-

ставителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему, вмѣстѣ съ представителями народа вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи!

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Гор. Псковъ,
2-го Марта, 15 ч. 5 м. (3 ч. ночи), 1917 г.

Министръ Императорскаго Двора,
Ген.-Адъютантъ ГРАФЪ ФРЕДЕРИКСЪ.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 08 06 12 019 2